18+

КРЫМСКИЙ МОСТ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Татьяна Михайловская

Крымский мост

«Издательские решения»

Михайловская Т.

Крымский мост / Т. Михайловская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837086-1

Невозможно представить себе русскую литературу и русское искусство без крымских мотивов в поэзии и прозе. Классика дала нам бессмертные образцы во всех жанрах. Крыму посвящены многие известные произведения русской литературы. Не случайно имена Пушкина, Мицкевича, Чехова, Волошина, Цветаевой, Грина, чьи судьбы в той или иной степени были связаны с Крымом, присутствуют и в альманахе «Крымский мост».

ISBN 978-5-44-837086-1

© Михайловская Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЗА 6
Николай Бойков (Новороссийск) 7
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ 7
Сергей Борзиков (Рязань) 13
СВОБОДА 13
Ольга Бори (Ставрополь) 17
В КРЫМУ ЧЕРЕЗ ГОДЫ 17
Галина Гладышева (Самара) 20
ЗАЯЧЬЯ ГУБА 20
Эсфирь Коблер (Москва) 23
СМЕРТЬ НА ДВОИХ 23
Валентина Кондрашова (Самара) 29
ЭТО ЛУЧШЕЕ СЛОВО… АРТЕК… 29
Виктор Кротов (Москва) 31
СУРОЖСКИЕ СКАЗКИ 31
Александр Лозовой (Москва) 41
СЕННАЯ ЛИХОРАДКА 41
Михаил Матрёнин (Санкт-Петербург) 47
В КРЫМ, ПО ГРИБЫ 47
Татьяна Михайловская (Москва) 50
ШТИЛЬ 50
Владимир Поляков (Санкт-Петербург) 53
ЛЕВ, ДЕВА И МЕДВЕДЬ 53
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Крымский мост

Редактор Татьяна Михайловская
Редактор Лидия Александрова
Редактор Наталья Коноплева
Редактор Людмила Салтыкова
Редактор Ольга Борисова
Иллюстратор Александр Лаврухин

© Александр Лаврухин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7086-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЗА

Николай Бойков (Новороссийск)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ

Из книги «Африканский капкан»

Трое сидели у костра молча. Лукьяныч помешивал ложкой в кастрюле. Пахло вареной рыбой. Гена в который раз уже перекладывал плоские камни походного стола. Гоша раскладывал бананы на три кучки.

После похорон соотечественника прошли сутки. Все трое находились в состоянии депрессии. Почти не разговаривали между собой. Не шутили. При этом, казалось, избегали друг друга в течение прошедшего дня, но старались и не удаляться далеко, не выпадать из поля зрения.

– У меня глаза от этих бананов зеленые, – сказал Гена без интонации.

– Не ешь, – вставил Гоша.

– Что такое, не ешь? Бананы не ешь, рыбу не ешь… Что такое?

– Гена, – улыбнулся Лукьяныч, – ты чего занервничал?

– Я не занервничал. Я загрустил.

– По девочке-сенегалочке, да? – съязвил Гоша-грузин.

– По дому, – ответил Гена. И все опять замолчали.

В африканском поселке сегодня было тихо. Будто и там тоже грустили. Или действительно были эти туземцы чернокожие такими чуткими к чужому горю. Но факт: даже мальчишки сегодня не играли с мячом и не звали Гошу постоять на воротах.

– Я подумал, – начал Гена нерешительно, – если у этого парня была душа, то куда она полетит сегодня? На ветки деревьев или к облаку над рекой?

– Она домой полетит, – сказал Гоша уверенно. – Туда, домой, – показал рукой в сторону севера.

– Ты откуда знаешь?

– Лукьяныча спроси, если мне не веришь.

Гена посмотрел на старшего. Лукьяныч вынул из котелка ложку, поднес к носу, нюхая, опять опустил ее в варево.

– Чего ты молчишь, Лукьяныч? – спросил Гена нетерпеливо. – Чего его нюхать и на вкус пробовать, соли все равно нет. Обман желудка это варево!

Лукьяныч повернулся к Гене:

– Ты тетрадь этого парня в могилу не положил?

– Я положил, Лукьяныч. Но несколько листиков сами мне в руки выпали, будто просились. Я их и взял.

– Я почему сказал, что в могилу положить надо? Потому что эти листики, как душа его, потому и должны с ним быть. А если ты их с собой взял, то это как тайну чужую взять. Можешь ты ее сохранить, не растерять? Когда ты сейчас и себя самого уберечь не можешь, не знаешь, что с тобой завтра будет…

– Оно так, Лукьяныч, – вмешался Гоша. – Но с другой стороны посмотреть если, то плоть соотечественника нашего умерла, а душа-то жива. Как живую ее – в могилу?.. Правильно Гена взял. Ты читал, что там? Я сегодня увидел эти листики на камнях, когда Гена читал их. Он не видел меня. Поверишь, листики шевелятся от ветерка, а мне кажется, что живые они. Чуть мозги не зашевелились! Мне читать трудно, глаза болят. А увидел раскрытыми два листочка, да стрекоза на них присела, поцарапалась лапками и улетела куда-то. А мне, веришь, показалось, что все она прочитала и поняла, божья тварь! Мистика! А я верю!

– И я с этими листиками головой тронулся, домой хочу! – скрипнул поломанными зубами бывший боцман. – А что такое? Хочу!

– Значит, дойдешь, – успокоил его Лукьяныч.

– Дойду!

– И тетрадь сохранишь?

– Сохраню. Мне эти листики, поверь, единственный документ, по которому каждый поймет, что я из России, – Гена показал рукопись.

– А ведь прав боцман! Мы как с флагом теперь, – засмеялся сухумский грузин.

Лукьяныч взял из рук боцмана чужое письмо на тетрадных листочках:

– Дай, – сказал, – я почитаю…

Начал читать:

«…И нет покоя душе.

И дела ей нет до совести или рассудка, до голоса любви или зова предков.

Есть только крик.

Нет дела ей до того, что не найти равновесия и опоры. В сознании человеческом или в жизни.

Есть только боль.

И жаль человека, разорвавшего собственную душу, как рубаху на груди, оттого что забыл он, что и душа одна, но и она – рвется.

И жаль мне того, кто потерял свою душу, гоняясь за катающимися кружками рассыпающихся монет или купаясь беспечно в опьяняющих струях коварных страстей, забыв, что и душа может слезиться. И капать. И утекать. Как вино из наклонившейся чаши. Чистое вино – на грязный пол…

И нет места душе, если потеряла она сосуд свой.

И уйдет она.

И никто не заменит её.

И ничто не заменит.

Ни ум. Ни благополучие. Ни слава.

Ни слова о великой Родине или историческом предназначении.

Ничто не стоит рядом. И не стоит цены своей. И теряет цвет свой.

И увядает. Как цветок без весны. Как птица без полета. Как песня, потерявшая голос… Ибо сказал мудрый: Что есть душа? Не ответит никто.

Но трава без души – сено. А дерево без души – дрова. А человек без души – мертв.

Что ж ты плачешь, душа?

Что ж ты плачешь…

Растерялась душа моей Родины. Растерялась.

Растерзалась. Отплакалась. Откричалась.

Не дождалась.

Не позвали тебя, родимую. Не назвали душой – в Отечестве.

И осталась ты только песнею:

«Зову тебя – Россиею, единственной – зову…», «Светит луна или падает снег…», «Маленький синий платочек…», «Течет река-Волга…», «Деревенька моя, стародавняя дальняя…», «Мой милый, если б не было войны…»

Без души – обесцветили флаги.

Без души – онемели гимны.

Без души – обезножили воины.

Без семей вырастают дети. Без души.

Без души – потеряли совесть. Без души – воровать обессовестились. И из Родины тянут. И у собственных отца с матерью. И ни детям своим даже. Просто – за заборы. За замки. За решетки на окнах. В квартиры – с собаками и охранниками.

И самый престижный дом стал похож на музей в тюрьме.

А самый незащищенный – на «Гуляй-поле».

А верха – вороватое гульбище, где не говорят, а токуют. Не живут – а «в бегах». И те, кто думают, что «они властвуют», и те, кто боится думать, «что будет завтра»… В бегах от души своей. И не властвуют, а властью пользуются, как молотком над глиняной кошкой-копилкой. Чужой. «Домушники» правят.

Мундиром чиновника и лозунгом демократа орудуя, будто фомкой.

И место ли в этих домах душе?

И запоётся ли пьяну иль трезву: «Эх, полным полна коробушка…» или «Я люблю тебя жизнь…» или, незабываемое, «Когда домой товарищ мой вернется, – за ним родные ветры прилетят. Любимый город другу улыбнется: знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд…»

А было.

Какая была душа!

У песни. У города. У парня с нашего двора. У всей страны.

Когда свадьбы гуляли на всю улицу. А день Победы – семейный праздник.

В каждом доме. И по всей стране. И если уж делать День независимости, то я бы его в этот день праздновал – Победы, Памяти и Независимости! И Скорби… От размаха души или тупой исторической инерции? Когда нам раскачать историю-матушку, что дедовский сарай ломать. Когда, если воевать, то собственного народа крови и славы – без меры. Рекой. А если революцию, то «мирового масштаба». А трудовые будни – от ребенка до заключенного. И будущая мать – как каторжница, с мозолями и слезами. А подвиги – от «Варяга» до блокадного Ленинграда. А Перестройка – так и «Перестрелка»… А была коль колючая проволока, так – не извольте сомневаться – от границ и лагерей до каждого дачного огородика. Но коль пошла сегодня мода в тюрьме сидеть, или «под крышей жить», или в русских деревнях вывешивать над магазинами вывески «Шоп», а вместо «Открой окно» говорить «Открой виндовочку», то разве поймешь сразу – это у народа мозги поехали, или он, народ, поголовно юродствует, или просто смеется – над правительствами, над собой, над «европо-американо-благоразумным» к нам снисхождением? Это плач? Или шоу в театре абсурда, незатейливое, как объявление в привокзальном буфете: «Хот дог холодный!»… Где самый главный актер – бандит. А самая расхожая роль – проститутка. А самый счастливый зритель – «бомж», бывший отечества моего житель…

Исстари на Руси к юродивым прислушивались. Особенно, когда никакого разума не хватало понять происходящее. Никакой надежды не оставалось на светлое. Никакой веры. Сколько раз это повторялось: «Неужели конец?» И тогда появлялся ниоткуда и некто, кто говорил в душу: «Даю установку на добро. Приготовьте свои тазики и банки. Будем наполнять…» И хочешь – верь, а не хочешь – смейся, но полстраны бежали к телевизорам со своими банками, склянками, ведрами. Потому как легче самому считать себя свихнувшимся, чуть-чуть, чем поверить, что мы никогда уже не сможем чувствовать себя спокойно в своем Отечестве. Ни в отпуске у моря. Ни в собственном доме. Ни на работе, независимо от того, начинается ли она с «нового утреннего анекдота», или с улыбки женщины, или с новой по радио песни…

Грустно.

Какая же душа выдержит?

Ан нет, жива. Еще и изворотлива. Да темна.

Ох, темна русская душа! Ибо как понять – по прошествии целой эпохи социалистической – поют с одинаковым чувством патриотизма и соучастия и бывший коммунист, и бывший зек, и бывший (советский!) интеллигент:

«Раздайте патроны, поручик Голицын. Корнет Оболенский – надеть ордена!»

Ни ордена, ни медали, ни офицерские кортики, ни даже именное наградное оружие, хотя все это было, в том или ином сочетании, в доме родителей и в домах моих близких друзей и было осмотрено нами, детьми, с должным вниманием, уважением, гордостью, трепетом… Но не это осталось в памяти как самое главное и дорогое фамильное достояние – фотографии. Боже! Сколько фотографий запомнилось, наслоилось, перепуталось. И стало совершенно не важно – из чьей это семьи? Чей отец? Ибо запечатленные позы и выражения лиц и надписи на обратной стороне – все было похоже. Усатые казаки осанисто сидели на витых венских стульях или на табуретках, одной рукой опираясь на эфес шашки, а другой обнимая сидящего на коленях ребенка, глядящего в объектив испуганно. Рядом стояла жена. Гордо подняв подбородок и придерживая на высокой груди шаль. Будто фотографироваться на память всемирной истории – обычное дело для любой казачки. Старшие дети стояли по обе стороны от родителей, напряженные, как на экзамене. На других фотографиях эти дети улыбались легко и свободно, будто научились дышать, в гимнастерках или в морских кителях, или в шлемах и в свитерах, на фоне нарисованного самолета… И в какой бы дом я ни заходил, я видел такие же фотографии, в настенных рамках или в лежащих на виду альбомах. И слышал привычные слова: «Это после гражданской… Это на Дальнем Востоке… И он – служил… Это на вокзале, перед отправкой на фронт… Это дети, после института… Это – на море. Он тоже служил…» И бог мой свидетель, эти фотографии сделали больше, чем весь последующий поток привнесенной новым временем «перестроечной» информации – я ни на одну минуту не усомнился в том, что мы жили одной страной, одной жизнью, одной семьей… Мы все – жили Отечеством. Мы хотели сделать его лучше. Мы были наивными романтиками его. Каждая душа была открыта, как кувшин на дегустации. Мы сами были его вином и кровью. Мы все – служили Отечеству! Настоящему и романтическому. Полагая его – неделимым…

Я помню деревню бабушки – семь изб, два старика, семь баб. По субботам собирались на спевки. У каждого была своя роль, известная. Если в деревне были гости – приглашали. Обязательно ждали, если кто-то задерживался: «Корову доит…» или «Капустки принесть обещалась квашеной…» Песенный репертуар не меняли, начиная от «Хас-Булат удалой» и «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка темная была, одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра…» до современных советских из популярных фильмов. Пели «по голосам», серьезно. Переживали искренне, если «не пелось». Ну, да я такого не помню. Если что – добавляли «красненькой, магазинной». Пили бабушки по глоточку, как птички. Ставили на стол недопитые рюмки, утирая платочком уголки усмехающихся губ. Частушки пели «с картинками», как тогда говорили, то есть с дословными выражениями. И с приплясом, обязательно. «Мы с милёночком моим целовались горячо, целовались бы еще – да болит…»

С настенных фотографий смотрели на них родные лица. Их тоже обязательно вспоминали: кто за кем ухаживал, кто как пел или танцевал, над кем в деревне посмеивались. От этих разговоров и воспоминаний компания получалась и веселее, и многочисленнее.

Помню такие же вечера на Украине. Только начинали обычно с других песен: «Ничь яка мисячна зоряна ясная…», «Расцвела под окошком белоснежная вишня…», но потом переходили на те же кино-советско-народные: «Каким ты был – таким ты и остался…» или «Мы с тобой два берега у одной реки…». И тоже были фотографии на стенах. Невесты в свадебных платьях. Младенцы в кроватках. Мужчины в кителях и шинелях. На настоящих тракторах или в нарисованных танках: «В настоящем нельзя, – пояснял чей-то дед, – секрет!»…

И в этой похожести – фотографий и песен, надписей и слов, судеб и воспоминаний – было неподдельное единодушие. От дома к дому. От города к городу. От Крыма до Камчатки. Была удивительно БЛАГОПРИЯТНАЯ, ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ человека среда. И это именно то ощущение, которое вспоминается при наших разговорах о прежних летних отпусках, поездках на юг, остановках на трассах, или вынужденных ночлегах у реки, или на окраине провинци-

ального городка, одинокие огоньки которого излучали те же настроения успокаивающей, поддерживающей, обнадеживающей близости.

Разве кто-то кого-то боялся? Неуместный вопрос. Глазами выискивали номера машин со знакомыми (Москва, Ленинград, Краснодарский край) сериями. Первые слова при знакомстве: «Откуда? Куда? Есть знакомые? Есть где переночевать?» … Кто кому больше радовался: «Бабушка, – кричала девочка, – дачники приехали! Танцы будут!.. Бабушка, гости приехали! Случайные! У них машина застряла…»

Откуда что бралось и куда подевалось? Или спряталось, как улитка? Насторожилось, как душа? Ведь это и была душа. В песнях. В фотографиях. В покое у большой воды. Это была наша настоящая душа. Но теперь она сжалась, как лужицы на дне убежавшей по другому руслу реки. И вроде бы это река еще, но уже от нее не покой – а грусть… Беспокоит. Напоминает. Говорит что-то беззвучно, одними глазами. О чём она говорит? О чём она помнит? Милая и усталая душа. Такая надежная и родная. Как ветер из родного сада. Как знакомая мелодия. Как улыбка моей мамы…

Родной стороны – душа.

Мы еще не знаем, что приобрели. Но уже чувствуем, что потеряли. И это осознание потери – наше первое перестроечное приобретение. Как первая любовь.

А разве бывает вторая любовь к Отечеству?

Разве мог мой отец ответить по-другому, тогда, на берегу Севастопольской бухты, когда я – пятилетний – спросил: «Почему эта земля на обрывах такая красная?» – «От крови, сынок. От крови за Родину». Разве теперь эта земля может стать для меня менее дорогой, менее легендарной, менее кровно моей?!

Когда много раз спрашивали меня иностранцы, что сделала перестройка для России (они надеялись услышать слова «демократия, свобода, благополучие»), я отвечал неожиданными для них пояснениями: «Не в том беда, что огромную страну, как ножом, на куски разрезали, но – каждую семью! Сын – остался в России, сестра – на Украине, брат – в Казахстане, друг – в Прибалтике, могилы родителей… Каждую семью, каждую душу – на куски искромсали. И топчут.

Деньги переслать – проблема. Встретиться – проблема. На похороны приехать – и то через границу. И что же мне теперь – с моей первой любовью? Подниматься на войну? Плевать в правителей? Ложиться и умирать в знак протеста?»

Это странно и удивительно, но даже первая мировая война, и революция, и гражданская война – не разделили Отечества. Поранили, порвали, как собаки медведя, но отступили – от вздувшихся кровью и силой мышц и могучего, как из тьмы веков, взгляда. Яркого. Ярого. Ненавидящего и любящего. Ждущего. Жаждущего. Животного и человеческого. Многоликого: скифского, греческого, Батыя и Невского, Пушкина и Петра Первого… Сестры моей. Друга. Попутчика. Взгляда верной собаки из-под куста цветущей сирени. Взгляда девушки моей. Когда мы сидели с ней, еще школьники, ночью дождливой укрывшись под большим и шумящем листвой деревом, и мечтали о будущей нашей (мечтали) семейной жизни, с детьми (мечтали), радостными праздниками (мечтали), пельменями по субботам… «Будут тебе и пельмени, – сказала, – если на мясо заработаешь»… И собственные глаза мои открылись на самое главное предназначение МЕНЯ в мире: долг и ответственность. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ! За историю скифов. За славу Петра. За слово об Анне Керн. За любимую девушку. За мужчину – в пилотке, в шинели… В строю. За город, «в котором я жил и дружил…», как пелось когда-то в песне.

…Мы работали с американцами в Антарктиде. Американцы – работяги со странностями: кофе – в постели и в сауне, сэндвич полуметровый (горчица, варенье, кетчуп, колбаса, мясо…) – где-то рядом лежит или подразумевается, «хэппи бёздэй» – обязательно… Но при этом, и тоже обязательно, приходили к нашему Олегу Анатольевичу заранее, по очереди, и про-

сили: «Олег, у нас сегодня (завтра… через два дня…) день рождения. Пожалуйста. Please… We kindly ask you… We should appreciate you… Просим не отказать в любезности… Мы были бы очень признательны… Придите к нам в гости со своим аккордеоном, спойте нам…» И он шел, прихватывая двух-трех друзей для компании, для куража. И пели по специально-американскому заказу:

«Такой лазурный небосвод сияет только над тобой, Тбилиси мой, любимый и родной… Расцветай под солнцем, Грузия моя…», «Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мелькали огоньки… Дорогой длинною и ночкой лунною, да с песней той, что вдаль летит, звеня…». И учили американцы всерьез полузабытые НАМИ слова, записывали на листиках бумаги и на компьютерах: «Деревенька моя, стародавняя дальняя… Смотрю на тебя я, душой не кривя… Тебя называю по имени-отчеству, святая как хлеб, деревенька моя…»

Как вернуть эту веру? И верность? Душевные силы… А разве они ушли? А разве Отечество кончилось? Господи, как хочется душе выговорится. Будто мусор из сада выгрести, после зимы. Такая «куча мала» в голове. Оттого и усталость. И цепляется память за далёкое слово, за ранимые строки, как ветер в саду за обрывок бумаги… Смеяться хочется. Смеяться и плакать. Мучиться бессонницей и засыпать на рассвете. Обижаться и обижать. Спорить до хрипоты или петь до одури. Да и всё нам одно – что петь, что молиться. Такой менталитет у народа. Считать, что никто лучше меня не понимает. Никто больше меня не любит. И каждый поёт, не произнося слов, и думает, что это только его душа чувствует и поет: «…Счастьем и болью вместе с тобою. Нет, не забыть тебя сердцу вовек… Здесь отчизна моя, и скажу не тая: „Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок…“»

Сергей Борзиков (Рязань)

СВОБОДА

Мистико-фантастическая проза из цикла «Морская»

Я помню каждого из нас:
Когда уходим – больно всем
И в тысячу, и в первый раз
И в божий час, и в чёртов день…
Рукою об руку ведём
В Инферно Данте и Творца. И духом каждого лица
По паре глаз даруем всем.
Я помню, что хотел забыть…
Александр Кромвель.

«Кали-Ола». Где-то вблизи Севастополя. Здесь и сейчас

Звездопад освещал темнеющее провалами космоса ночное небо. Тем, кто любовался сгорающими в атмосфере исполнителями загаданных и незагаданных желаний, казалось, что гвозди, сдерживающие плоть космоса, наконец не выдержали его напора. Прорыв…

Пожалуй, так и было.

– Пожалуй, слишком холодно, – она натянула поверх обнажённого тела его серый, ещё несколько лет назад ставший просто колючим шерстяным мешком свитер.

Он не откликнулся, лишь слегка приподнялись над закрытыми веками брови в знак удивления.

Слишком холодно. Жара будет потом.

Завизжали сервомоторы купола, открывая две огромные створки крыши. Людям хотелось неба. Люди его получали.

Снова тишина.

Заброшенная обсерватория на самом краешке Крыма. Где-то вдалеке можно разглядеть невооружённым глазом огни ночного Севастополя[1]. Город не спит. Как можно спать здесь? В краю, зажатом меж двух морей и миров: грязного Чёрного и пшеничного светло-тканого Степного, среди похороненных, почти мифических городов прошлого и бетонно-стального безумия городов настоящего.

Нет, здесь нет всего этого. Лишь обман памяти и фантазии двоих…

– Морская? – он всё же очнулся: видно, одна из падающих звёзд вернулась из глубин мироздания вместе с его душой.

Её очередь молчать.

Теперь будет говорить море…

Чёрное? Степное?

Море Грёз.

– Одиссей возвращался к Пенелопе. Нет. Может, к Итаке? Своей родной женщине… Может ли земля, пусть и родная земля, быть любимой женщиной?

– Но ведь целая звезда смогла…

– Чиар?

[1] Севастополь – в переводе «Достойный поклонения». *Примечание Артёма Фаулера*

– А ты знаешь другую?

– Знаю, мой маг, знаю.

– Одиссей возвращался домой. Упорно, без надежды вернуться, без надежды остаться… собой. Собственно, вернулся не он. Не тот *он*, что уходил в море, к Трое, за безумным призом – Еленой, обещанной не ему. Пенелопа не простила бы.

– Но ведь простила остальных.

– Блажен незнающий.

– Блажен неверующий.

– Ещё скажи «недумающий», – её глаза смеялись отсветом осыпающегося звёздами неба, больше, чем её улыбка, а он и не видел в ней застывшей печали. – Он обещал вернуться и вернулся. А ты обещал мне расстаться. Но мы до сих пор вместе.

Небо вспыхнуло последней, самой яркой вспышкой акоритовой звезды, коей не суждено добраться больше домой.

Он засыпал…

…Марина. Морская. Я не вернусь…

Сейчас. Но уже не здесь

– Бо-ом. Бо-о-о-ом! Бо-ом… – бьёт большой колокол. И тут же множество малых вторят блаженным звоном своих серебряных язычков. Кого-то отпевают. Кого-то хоронят.

Меня?

Под мокрыми от крови ладонями шершавая твёрдость векового дуба. Почти сталь. Уже почти неживая. И колокола! Колокола – не выросшие ли это плоды в его ветвях?

Странно и страшно. Я впервые там, где не был. Не был ни в одной из жизней. Пусть и помню их тысячи. Неужели на легендарной дороге колоколов?

И память оживает, начинает раскручиваться спиралью в бесконечность. И вот я, как пушкинский кот, начитавшийся сказок, иду по цепи своих рождений налево…

В память. Налево от «Сейчас»

– …А из зубов дракона взойдут стальные побеги. И в срок явятся из плодов воины железные. Одержишь верх над ними, и главное богатство Алкидии будет твоим! – так же печально улыбается мне, Ясону, принцесса Медея, пряча за чёрной вуалью голубые глаза-приливы Морской. Она-то думает, что Ясон явился за ней. Наивная. Я пришёл за Руном. Большего и не надо, но она надеется и верит.

Впрочем, тот приз был слишком высок.

А вот другая…

Ариадна даёт мне в руки клубок. Втайне надеясь…

На что? Что глупый сын пастушьего царя увезёт её из роскоши Крита? От лабиринта-лаборатории человеческих предков, иллидийцев, где глупый царь случайно создал монстра-химеру из своего ДНК как сына. Но Минос не был так глуп, как я тогда…

И Арго, мы предали тебя, как и своих женщин. Аргонавты, где вы? Не за моей ли спиной? В час полуночный приходите тенями, не в силах разделиться на молодых и старых, вы стоите над моей душой, как любовник подсматривает за блаженством сна своей возлюбленной. Вы подсматриваете за мной, виновным лишь в том, что жив. Но если бы каждый из тех, кого я вёл, приходил ко мне…

…и ступаю босою ногою на столетние глыбы Четлана, и поют мне цветные колибри, будто богу из цельного камня. И следом крики воинов за моей спиной. Но людские голоса не пугают демонов. Пусть мы шли напролом, пытаясь своими телами закрыть порталы, ведущие из самого

Инферно. Тварей было просто больше. А наша цель меньше. Единственная цель: дать время, пока жрицы приготовят ритуал. И кровь лилась во имя богов. Даже с нижних ступеней зиккурата я видел твои глаза. Последняя из майар Майта принесла тебя в жертву во имя спасения мира. Дабы было куда вернуться…

В наших стекленеющих глазах отражались одни и те же звёзды, и раскалённый купол небесного огня сжигал тела до следующего перерождения…

…Тени, зачем вы приходите сюда? Вспоминать былое? Напрасно. Это тюрьма, выстроенная собственной памятью. Но вы говорите: «Веди», – и я веду в свою память, в свой осквернённый Ирей…

…Фермопилы. Нет, я не был Леонидом, но был убит им. О, это славная смерть от славной руки!

И ты, наложница Ксеркса, оплакивала моё тело, лишь чудом найденное среди других бессмертных. Жаль, слава не защищает так же прочно, как щит. Люди помнят лишь тех, кто сражался в меньшинстве, когда трое побеждали сотню. Лишь павший не вставал с земли. И нас скидывали с утёса. Тела предавали твоим объятьям, Морская. Нас отдавали морю.

И море той крови, нашей крови, натекло за столетия…

…В волчьих скуфейках – малая рать. Мы шли не грабить, мы шли убивать. Ещё не сарматы, не скифы уже. Достойные воли сыны-степняки. Не из рода рабов, посему не рабы. И каждый из нас перед смертью пел. Когда уже другой царь, Дарий, пришёл на наши земли.

В тех битвах мы были воистину бессмертными. Я вел скуфь, не будучи царём, но с дарованным его благословенной рукой трёххвостым бичом.

А где была ты тогда? Вела ли амазонок народа мать в земли будущих женихов? Или уже тогда ждала меня в будущем, готовя палитру, и краски, и белый холст? А может, ты создала нас? Случайно ошиблась, изобразила скифов более свободными, чем ветер, бьющий им в грудь, чуть более сильными, чем небо, давящее на наши плечи, чуть более легендарными, чем были в забытой действительности. И мы стали сарматами, достойными наших пращуров, чей жизни закон – совесть…

…И тени кивают в знак согласия и примирения. Я погибал вместе с ними. С ними за плечами я возвращался.

Сглатываю, как хмельную брагу, память былого, так перед боем кубок выпивают. Я помню каждого из них, когда уходим – больно всем. И в тысячный, и в первый раз, в кровавый час и в божий день. И снова, сквозь сон, я вижу твои глаза. Они сливаются с пламенем и памятью. Глаза Жанны в отсветах костра становятся твоими. Ты надо мной.

Я просыпаюсь, становлюсь на колени. Остается лишь прошептать…

– Расскажи мне, что значит свобода!

«Кали-Ола». Херсонес. После

…Блестит позолота икон. Священный танец свеч, их восковые слёзы, как опадающие платки во имя победителей и побеждённых, катятся вниз. Всё в этом мире катится вниз. Катятся камни лавин небосвода, зажигая мир за витражами храма то во мрак ночи, то во всецветие дня.

Она, моя Марина, держит меня за руку. Молится. Странно. Моя душа принадлежит всем богам и ни одной церкви – так говорила она мне жизнь назад, а теперь, теперь вот молится в храме Его. А я слежу за происходящим вне храма, там, где поднимаются в гору, к кам-

ням, теперь к руинам, воздвигнутым во имя князя Владимира Первосвятителя, оборотень-день и оборотень-ночь. И кажется мне: за пределами разрушенного храма нет Вселенной конца. А в пределах храма – на Распятом нет из терний венца.

Но ты привела меня сюда, чтобы показать, что есть свобода даже у меня, закалённого в горнилах смертей во имя веры языческой и остуженного в святых приливах твоей веры христианской. Не зря же ты держала самого Христа на своих волнах. Не зря…

…Колонны Херсонеса. Всё, что осталось от первохристианского храма. Забавно, воздвигнутый на капище храма язычников, он пал точно так же. Заметь, смытый твоими волнами, Морская. Теперь вдали от руин Владимирского храма, но всё же среди руин.

Мы сидим в центре, на остатках мозаики. И оборотень-день, наконец определившийся, кто он, обернувшись пугающим бархатом ночи, где нет опасности, но есть страх – всесильное оружие Космоса. Волны Чёрного плещут совсем рядом, ты чувствуешь их и потому спокойна. Я – нет. Я чувствую город. Не тот, новый город одного парня и сотни девушек: «Сева – сто Поль». Я чувствую город прошлого, Херсонес. Запахи его улочек: чуть правее были рыбные склады, ещё дальше дурманящая запахом свежего винограда винокурня. Взять левее, пройдя по словно напитанным кровью, ещё влажным следам, утопленным в виноградном вине, попадёшь в кузню. Слишком маленькую, пахнущую почти ощутимой на вкус солёной приторностью железа и меди и вином (так часто Ананке, кузнец, любил посидеть у соседа-винодела). И ещё тысячи запахов, у каждого дома, у каждой улочки свой аромат. Вплоть до солёности прибрежных волн Чёрного моря. Морская, я и забыл о тебе. Но ты же рядом, спишь, облокотившись на моё плечо. Не в наших мирах, просто на грани между реальностью, где, к слову, нет меня, и сном, где я есть.

– Я обещал тебя расставание. Оно будет, но лишь потому, что море – стихия. Стихии, как и стихи, – вечны. Ты вечна. А я – персонаж, а персонажи, как и книги, что сгорают уже при 451 градусе по Цельсию, не вечны.

– Но мои картины, мои рукописи, разве они горят? – во сне твоими губами движет морской ветер. Быть может, тобой всегда движет ветер? И я прикасаюсь к твоим губам, пытаясь понять, насколько твои слова – твои. И ощутить соль прибоев, пустоту глубин, сладость слияния, что происходит на закате между морем и небом…

…и твои губы скользят по моему лицу, по скуле, над глазами и ресницами. В лоб целуют – от забот избавляют. В лоб целуешь – память стираешь…

…и Тени отступают от забывшего их, засыпающего человека. И Тени понимают: это свобода…

Ольга Бори (Ставрополь)

В КРЫМУ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Рассказ

Евгений Павлович задумчиво посмотрел на мать. Потом спросил:

– Мама! Ты хочешь отдохнуть с нами в Крыму? Я с детства помню, как ты им восторгалась. Теперь снова Крым наш. Все расходы я беру на себя.

Наталья Александровна собирала чемодан. Она решила ехать. Перед глазами появилась картинка прошлого. Заканчивались милые, благословенные семидесятые годы. Май бушевал цветением и ароматами. В зале ожидания железнодорожного вокзала Симферополя она читала книгу, а чтобы дать отдохнуть глазам, иногда наблюдала за привокзальной суетой. Муж Павел пошёл в билетную кассу. Много раз им доводилось переезжать, и Наталья Александровна слышала, что жену офицера наиболее правильно было бы нарисовать сидящей на чемодане.

Однако на этот раз в Крым они приехали в санаторий по семейной путёвке. Время в Судаке пролетело быстро. Павел ездил на экскурсии, а Наташе врач не рекомендовал автобусные поездки. Из процедур она принимала только кислородный коктейль, поскольку была беременна вторым ребёнком. Срок путёвки закончился, и они добрались до Симферополя, чтобы возвратиться в ставший родным Ленинград.

Неожиданно перед Наташей появился рослый мужчина в светлом, как и на ней, плаще. Футляр с фотоаппаратом висел на узком ремешке, переброшенном через плечо незнакомца. Он пристально, но ненавязчиво посмотрел на беременную женщину. По едва уловимым признакам Наташа заметила, что мужчина внутренне сильно напряжён и чрезвычайно взволнован. Когда их взгляды встретились, произошло что-то необъяснимое. Было впечатление, что время остановилось, а они взглядами вошли в самую душу друг друга. «Что за наваждение? Как он может говорить глазами? Мистика какая-то!» – подумала Наташа. Громкий голос диктора, известивший о приходе очередного поезда, на мгновение вывел их из этого состояния.

…Александр Иванович снова достал фотографию, посмотрел на приятное лицо молодой женщины. Снимок был сделан на железнодорожном вокзале в Симферополе. Фотографировал её брат Сергей. Светловолосая, голубоглазая молодая Мадонна сидела на жёстком диване зала ожидания. Милое, нежное, потрясающе красивое от озарения внутренним светом лицо обрамляла невидимая волна таинства. Лёгкий светлый плащ не скрывал её горделивой беременности. А в задумчивом взгляде таилось то самое нечто, что и заставило Сергея тайно сфотографировать её.

Неожиданный уход брата новой болью отозвался в сердце. Ну что такое 71 год? Ещё жить и жить! Сергей же полностью отдал свою жизнь науке. Были, конечно, и женщины, но сердце заняла Она – Мадонна с фотографии. Брат даже имя её хранил в тайне. Только незадолго до своего ухода он, уже известный в Крыму профессор, приоткрыл младшему брату свою тайну.

В тот далёкий майский день по просьбе матери он зашёл на железнодорожный вокзал взглянуть на расписание. Записав необходимую информацию, он почувствовал какое-то странное состояние, какое бывало перед прыжком в море со скалы. Так отозвалось в нём предчувствие судьбоносной встречи. Сергей вначале почувствовал, а затем увидел Её. «Зенит» висел на ремешке через плечо, и, как заправский фотохудожник-любитель, он достал фотоаппарат из футляра, прикрутил к нему большой объектив и сделал несколько снимков, осторожно подходя всё ближе и ближе к Ней – таинственной светловолосой Мадонне со струящимися по пле-

чам локонами, и запечатлел Её не только на плёнке фотоаппарата, но и в своём сердце. Это было *дежавю.*

Когда Сергей, убрав фотоаппарат, подошёл ближе и глаза их встретились, он был поражён. Сколько длился этот немой диалог, не мог припомнить. Его глаза кричали:

– Выслушайте меня. Увидев вас, я подумал, что это Её Величество Судьба наконец-то снизошла ко мне. Я много раз видел вас во сне, ваши сапфировые глаза, нежную улыбку. Я ждал этой встречи, как манны небесной! Мечтая о вас, как о любимой жене. Не уезжайте. Останьтесь со мной. Я не был женат – это правда, и сейчас живу в центре города, в хорошей трёхкомнатной квартире вместе с мамой. Я – кандидат наук, пишу докторскую диссертацию. Вам будет хорошо у нас.

Сергей не помнил, как заговорил с ней. Он назвал своё имя и сказал, что всю свою жизнь ждал и искал её.

– Мадонна, а как же вас зовут?

В ответ он услышал: «Наташа».

– Наташа! Милая! Вы же всё поняли. Останьтесь со мной, не уезжайте.

– Сергей, это невозможно. Я вижу, что вы – порядочный человек, но у меня другая жизнь. Я жду здесь мужа, он пошёл за билетами.

Звук чарующего голоса Мадонны отозвался в самой глубине его существа. Он знал этот неповторимый голос, хотя понимал, что слышит его впервые. Так сладок и близок был каждый его звук.

– У меня скоро родится четвёртый ребёнок, – тихо произнесла Наташа.

Полудетские распахнутые синие глаза выдавали её с головой, и было видно, что до четвёртого ребёнка ещё очень далеко.

Сергей понял этот ход как своеобразную защиту.

– Это совершенно не меняет дела, – сказал он спокойно. – Одно ваше решение, и я сейчас же увезу вас к себе. Вы – женщина моей мечты, моих снов. Вы – моя сладкая грёза, моя дивная сказка. Я знаю вас так давно. И знаю о вас всё!

– А что бы сказала ваша мама?

– Какая радость!

– Даже при таком моём положении?

– Даже при этом! Обрадуется ещё больше. Мама с утра сказала мне, что сегодня – судьбоносный день, а она у меня может предвидеть. Останьтесь!

– Ой! Ну что вы такое говорите… Сейчас подойдёт мой муж с билетами. К тому же времени до нашего поезда осталось совсем мало.

Сергей наслаждался звуками её голоса.

– Тем более! Я боюсь показаться навязчивым, но здесь совершенно исключительный случай! Я потрясён этой встречей, Мадонна! Всё зависит от вашего слова! Я объясню вашему мужу, что…

– Благодарю вас, Сергей! Но это просто невозможно. Простите, пожалуйста. Вам надо идти.

– Простите и вы меня. Приезжайте. Запомню сегодняшнее число: тринадцатое мая. Я буду ждать вас на этом месте, в этот день…

Последние слова заглушил голос диктора.

Она нежно и спокойно улыбнулась, взглядом настойчиво подсказывая ему:

– Идите.

Сергей отходил спиной, не сводя с неё глаз.

Встав поодаль, он увидел, как подошёл её муж (нормальный мужчина, но совсем не пара для такой богини) и как, взяв чемоданы, направился к перрону.

Многое отдал бы сейчас Сергей, чтобы оказаться на месте этого мужа… Быть рядом с женщиной-мечтой, с прекрасной Мадонной.

Александр Иванович вспомнил, как однажды, вернувшись из дальнего похода, он случайно увидел у брата фотографию молодой, потрясающе красивой женщины. Она вся словно светилась. Этот образ он унёс с собой в свой новый рейс.

Прошли годы. Карьера состоялась. Миронов Александр Иванович вышел в запас, служа на Дальнем Востоке. Его брат Сергей, всем сердцем желавший, чтобы Крым вернулся в состав России, не дожил до этого события буквально месяц. Хорошо, что Александр застал его живым. Они успели о многом поговорить. Так Александр Иванович, одинокий морской волк, узнал, что брат каждый год тринадцатого мая приходил на вокзал, на то место, где встретил её. С последним выдохом Сергей Иванович передал брату как эстафету всю свою любовь к Мадонне по имени Натали. Его последние слова были:

– Я знаю: она приедет! Встреть её.

Наталья Александровна относилась к той удивительной породе женщин, которых не старили годы. Она перешагнула шестидесятилетний рубеж. Только вдовство чуть посеребрило её светлые волосы, отметив их, словно короной. Дети давно выросли, внуки радовали Наталью Александровну своими успехами.

После присоединения Крыма Наталья Александровна по настоянию старшего сына вновь оказалась там, чтобы подышать морским воздухом, отдохнуть.

Милый май плыл над Симферополем, над вокзалом. Было тринадцатое число. Наталья Александровна шла к тому месту, где когда-то случилось таинство взаимопроникновения душ через незабываемый взгляд. Ей навстречу поднялся элегантный седой мужчина в адмиральской форме, очень похожий на того, который когда-то на этом месте хотел увести её от мужа…

Галина Гладышева (Самара)

ЗАЯЧЬЯ ГУБА

Рассказ-быль

Поезд «Симферополь-Москва» отсчитывал стыки. Вот вагон резко качнуло на выходных стрелках, затем ход стал плавнее, и за окном побежала осенняя крымская степь.

Крым. Она впервые была здесь. С диагнозом «болезнь Бехтерева» приехала в Ялтинский санаторий-профилакторий. Каких замечательных людей узнала! А главное – влюбилась в этот край. Она увозила удивительный образ врача-невролога Ленины Цезаревны. Эта красивая женщина «приказала» не хандрить, пройти лечение и забыть, забыть о диагнозе, поставленном в районной поликлинике. А еще она знала, что Крым навсегда останется в сердце солнечным лучом.

Лариса Сергеевна непроизвольно стала на стекле выписывать по памяти слова Пушкина:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга…
Всё живо там, всё там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда,
В лугах шумят бродящие стада…

Дверь купе резко открылась.

На пороге стояла проводница. Глаза ее смотрели вопросительно-гневно, щеки загоревшего лица пылали румянцем. Пальцы руки, сжимавшие ручку двери, побелели от напряжения. Вся она была словно туго натянутая струна гитары: вот-вот лопнет.

– Кто вас провожал? – громким прокуренным голосом спросила она пассажирку, стоявшую у столика. Та обернулась и, молча расстегивая пуговицы осеннего пальто, ответила:

– Мой знакомый…

– Это мой! – почти закричала проводница. – Понимаете? Мой знакомый! Моя первая любовь!

Пассажирка, прищурив глаза, посмотрела на женщину, похожую в эту минуту на взъерошенного воробья, спокойно, но жестко сказала:

– Почему же вы предали её? Предали вашу первую любовь?

Молчание повисло в купе. Проводница вдруг как-то обмякла, тяжело опустилась на сиденье. И снова сделалась похожей на воробья, но крепко-крепко помятого.

Две женщины в купе молчали. Пассажирка аккуратно развернула целлофан. Белые хризантемы, словно живые, распрямились, и вокруг разлился тонкий аромат осени. Керамическая вазочка примяла пышные ветви.

Хризантемы. Никитский ботанический сад. Лариса Сергеевна не преминула побывать в этом сказочном храме природы. Он расположен в семи километрах от Ялты и основан аж в 1812 году. Гербарий крымской флоры – это более 70 тысяч видов растений. Сегодня в нём – праздник хризантем. Какие оттенки цветов! От ослепительно белых до пурпурных. А сколько

стихов и песен посвящено этому цветку и её любимое произведение «Отцвели уж давно хризантемы в саду…».

– Это он вам подарил, – не то спрашивая, не то утверждая, сказала проводница, прервав затянувшееся молчание.

Вторая не ответила. Она смотрела в окно на виноградники, на палисадники крымских станиц, где полыхали хризантемы, и думала. Сейчас в купе их было трое: она, эта вдруг появившаяся проводница и тот человек, что остался на симферопольском вокзале. Вот как распорядилась судьба, соединив их сейчас в одно целое. Что будет? Пассажирка отвернулась от окна.

– Давайте знакомиться. Меня зовут Лариса Сергеевна. Вас – Татьяна.

Черные глаза широко распахнулись, затем помутнели, наполнившись слезами, которые тут же побежали по щеке. Но проводница не вытерла их и как-то выдохнула совсем ненужный вопрос:

– Значит, он вспоминал меня?

– Откуда же мне знать ваше имя? – вопросом на вопрос ответила Лариса Сергеевна.

Разговор как-то не получался. Потом Татьяна резко закрыла дверь купе и, торопясь, начала рассказ:

– Двадцать лет тому назад Виктор ухаживал за мной. Был он старше меня, но самое главное, что меня отталкивало – это его заячья губа и низенький рост. Как видите, я собой хороша, – она по-рысьи выгнулась, черный спортивный костюм выгодно подчеркивал ее округлые формы. – А вот душа оказалась с червоточиной.

На протяжении всего рассказа она казнилась, выказывая недостатки воспитания, высмеивала себя, своих родителей, сумевших внушить девочке, что ее красота – это уже счастье. А душа её плакала горькими слезами.

– Что же произошло?

– Я лишь спустя несколько лет поняла, что мимо меня прошла большая, верная любовь. Знаете, есть такие люди, которые всем готовы сделать добро. Щедро, всей душой. Виктор был таким. Я, видимо, тоже любила его, хотя мои поступки шли вразрез с моими мыслями, с правилами этики. Я не отниму у вас много времени, хотя после смены у меня его уйма.

– Училась на первом курсе строительного института. Он был на последнем курсе. В конце года в нашем общежитии появился Вадим. Был он статен, синеглаз, черноволос и курчав. Форма военного летчика очень шла ему. И рот… Рот был красивым. Сами понимаете. Я оказалась на распутье. С одной стороны Виктор – с его любовью и… заячьей губой, с другой – красивый, легкий Вадим. И я ушла со вторым. Полгода прошли в любовном угаре. Я была куклой, которой играли, похвалялись друзьям. Вскоре родилась девочка. Я назвала ее Викторией. Победа. Мне казалось, что я достигла в жизни всего. Но это были цветики. Девочка росла слабенькой, постоянно болела. Недосыпания, ежедневная, ежеминутная тревога за малышку сделали меня раздражительной, равнодушной ко всему – к своему виду, к одежде, к людям, которых Вадим приводил после полетов. Видя меня такую, он все чаще оставался у друзей. И мы, как в море корабли, отдалялись друг от друга. Когда же девочка подросла и пошла в школу, я увидела, что мы с Вадимом совершенно чужие люди: он не понимал моих тревог, я не знала, как он жил эти годы. Вскоре узнала, что он давно и легко изменяет мне. Я металась. Искала выхода. Старательно склеивала треснувшую, как чашка, жизнь. Не выдержала, сдалась, ушла. И пришлось начинать все сначала. Институт-то ведь не закончила. Специальности нет, средств к существованию никаких, но очень хотелось, чтобы девочка не знала ни в чем отказа… Стала продавцом. Проворовалась. Пришлось платить. Пошла работать проводницей поездов дальнего следования. Познакомилась с одним. Пожалела его. Он перешел жить ко мне, и только тогда я узнала, что его жена лишена материнских прав. Теперь у нас четверо детей. Моя Виктория, как и я, рано вышла замуж. Есть внучка, муж внимателен. Все относительно устроилось. Но в душе пустота. Казню себя, да только слишком поздно умнеем. А по молодости думаем:

жизнь длинная. Но уже ничего переписать на беловик нельзя. Сегодня увидела Виктора на этой станции. Все всколыхнулось. Прошло мимо мое счастье. И знаете, по-моему, и заячья губа его нисколько не безобразит… Но он не узнал меня. И немудрено.

Она достала из кармана брюк сигареты.

– Курите? – спросила Лариса Сергеевна.

– Да. Хотя и понимаю, что этого делать нельзя. Да ладно, одним пороком меньше, одним больше. Ох, как несчастлива я…

Поезд остановился. Татьяна поднялась и ушла помогать напарнице. А Лариса Сергеевна, слушая обычный при посадке пассажиров шум, думала о том, что каприз смазливой девчонки исковеркал две жизни, две судьбы. А, может, и больше?

Большая группа отдыхающих в ялтинском театре смотрела спектакль А. П. Чехова «Дама с собачкой». Всякий раз, когда Лариса Сергеевна перечитывала этот удивительный рассказ писателя, слушала его по радио, или смотрела фильм, спектакль, – она всегда плакала. Так созвучны были судьбы героев с ее собственной судьбой. После спектакля она тихо шла по набережной и слушала рассказ Виктора. Это спектакль, а вернее, Чехов заставил его душу раскрыться почти незнакомой женщине, что сидела рядом в театре, рассказать свою историю. Лариса Сергеевна не перебивала, не спрашивала, а он торопился, словно его не дослушают. Виктор говорил о том, как беззаветно любил девушку по имени Татьяна. Ради нее был готов на любой подвиг, на все…

– До сих пор не забуду, какой счастливой шла она по улице нашего города под руку с Вадимом. Слов нет, хороша была пара. Торжествующий взгляд Татьяны тогда растоптал меня. Как очнулся на берегу реки – не помню, лишь холодная вода отрезвила меня. Я уехал из города. Работал на стройке, в шахте. Но ни под землею, ни на высоте меня не оставлял ее образ. Женился почти в тридцать лет. Жена – отличный человек, любящая мать. У нас дочка растет. Жена знает о моей любви к Татьяне. И я ни разу не почувствовал фальши в наших отношениях. Но в сердце холод.

Простите, что вам, почти незнакомому человеку, я обнажил свою душу. Трудно человеку без любви. Очень. Надеюсь, ей повезло. Счастлива ли она? Очень хотелось, чтобы хоть у нее все было хорошо.

Лариса Сергеевна, вернувшись в родной город, рассказала супругу о Крыме, о лечении, о встречах на крымской земле.

– Твои новые знакомые будут писать? – спросил он, улыбаясь.

– Не знаю…

Однажды из почтового ящика достала письма, газеты. На одном из конвертов прочитала адрес: г. Симферополь… От Виктора. Короткое: «Это была Таня???» Значит, узнал…

Стоит ли ворошить прошлое? Стоит ли наждаком по сердцам? И она ответила так же коротко: «Нет, это была не она…»

Эсфирь Коблер (Москва)

СМЕРТЬ НА ДВОИХ

Рассказ

18 октября 1941 года немецко-румынские войска перешли в наступление на Крымском направлении.

28 октября 1941 года группировка под командованием Эриха фон Манштейна в составе 11-й немецкой армии и частей 3-й румынской армии прорвала Ишуньские укрепления, вторгшись на территорию Крыма.

В апреле 1944 года началось освобождение Крыма Красной Армией.

Своего деда по материнской линии, Сулеймана, я никогда не видел. Я родился после войны, а он погиб во время войны. Но бабушка Фатима, которая воспитывала меня, тётя Тамара и моя мама, Елена, – все они говорили о нём с любовью, нежностью и даже с восторгом. Мама, правда, была немногословна – она не любила вспоминать прошлое, – но иногда она раскрывалась и рассказывала мне яркие эпизоды детства и юности, которые запечатлелись в ней навсегда.

Детство мое прошло в Москве, и лишь однажды мы все вместе – я, бабушка и тётя (мама жила в другой стране) – приехали в Крым, в Гурзуф, где предки наши жили на протяжении 300 лет, не менее. Меня, десятилетнего, подвели к низкой изгороди большого двора, в глубине которого был виден фасад длинного одноэтажного каменного дома, сохранившего еще следы величия и гармонии, несмотря на многочисленные постройки и пристройки. Этот дом когда-то построил мой прадед, богатый купец и винодел.

Мне так много рассказывали о нашей семье, об этом доме, что мне казалось, будто я всё видел своими глазами, присутствовал при всех событиях и принимал в них участие.

Семья деда турецкого происхождения. Они поселились в Крыму ещё с тех времен, когда Крым попал под власть Османской империи, но предки бабушки были ещё древнее – они пришли в Крым как завоеватели в составе Золотой Орды. А те, кто осели здесь, стали называться крымскими татарами.

Деда моего назвали Сулейманом в честь великого султана. По семейной легенде, мои предки вели свой род от легендарного султана. По мужской линии все были высокие, стройные, светловолосые и голубоглазые. Таким был и мой дед. Бабушка рассказывала, что когда она впервые увидела деда, она вся замерла от восторга. Он показался ей прекрасным, как небожитель. А познакомились они так.

Сулейману было 27 лет, когда обстоятельства вынудили его вернуться в родной дом. Десять лет назад он уехал учиться в Санкт-Петербург, поступил в университет на факультет древней истории, затем учился в Париже и Женеве. Знал пять современных языков и столько же древних. Он готовился занять место профессора на кафедре древней истории Петербургского университета, но получил письмо от отца, в котором было написано, что тот плохо себя чувствует и просит сына вернуться домой, заняться хозяйством. Потом, если у него другие планы, вместе с управляющим решить, как вести дела, чтобы после его отъезда в Петербург поместье и виноградники не пропали.

Дед вернулся домой в 1912 году. Он понял, что его отцу осталось недолго жить. У того была тяжелая форма астмы, и держался он только потому, что хотел увидеть сына. После нескольких дней первой радостной встречи, рассказов и пожеланий, надо было приступать

к делам. Вызвали управляющего. Это был очень умный и деловой человек, преданный нашей семье. Крымский татарин, имевший большую семью – пять сыновей, которые во всем ему помогали, и младшую, единственную дочь, которую все баловали, но держали в строгости, заставляли учиться не только ведению хозяйства, но и азам классических наук. Управляющий привёл с собой Фатиму, так звали девочку, и мой дед увидел перед собой пятнадцатилетнюю красавицу с огромными чёрными глазами, живую, весёлую, стройную, с такой тонкой талией, что обхватить её можно было пальцами одной руки. Он влюбился сразу и страстно. Через год мой прадед умер, но успел благословить выбор сына, сказав, что лучшей жены тому не найти. Со свадьбой ждали, как положено ещё год, и весной 1914 года Сулейман и Фатима стали мужем и женой. Несколько месяцев после свадьбы были самыми счастливыми в их жизни. Бабушка рассказывала, что дед сразу познакомил её со своим другом. Все звали его Михаил или Мойша, но на самом деле имя звучало по-другому. Он был караим, некоторые имена этого языка были труднопроизносимы. Дед и Михаил учились в одной гимназии, очень дружили, увлекались древней историей и языками. Но деда ждала блестящая карьера, а Мойша, в силу бедности семьи, вынужден был остаться дома и заниматься вместе с отцом торговлей. Женился он рано. К 1914 году у него был уже годовалый сын.

В августе 1914 года началась первая мировая война.

Сулейман был сугубо штатским человеком. Его не призвали в армию, а добровольцем он не пошёл. О караиме Михаиле не было и речи. Я даже не знаю, служили ли караимы в царской армии. У того и другого хватало забот о содержании семьи в столь жестокие времена. В нашей семье один за другим появилось трое детей: старшая дочь, Тамара, сын Фетхе, и в 20-м году родилась моя мама – Елена.

Кто только не захватывал Крым во время первой мировой и гражданской войны!

Немцы, потом союзники – французы и англичане, а вместе с ними греки, румыны, итальянцы. И все грабили, грабили и вывозили из Крыма всё, что только можно было увезти. Потом началась взаимная резня и расстрелы: красные и белые, белые и красные. Прежняя, спокойная и красивая жизнь ушла навсегда.

Я много читал потом об этом времени – оно ведь так переплелось с жизнью моей семьи! – все были виноваты. Всеобщее озверение и воровство раскрывается на страницах описания гражданской войны. И страшный, последний исход уходящей эпохи, – исход белой армии из Крыма.

Генерал С. Д. Позднышев, переживший с армией эвакуацию, вспоминал:

> *«Молча стекались к набережным серые толпы притихших людей. Их окружала глухая зловещая тишина. Точно среди кладбища двигался этот людской молчаливый поток; точно уже веяло над этим нарядными, красивыми, оживленными некогда городами дыхание смерти. Надо было испить последнюю чашу горечи на родной земле. Бросить все: родных и близких, родительский дом, родные гнезда, все, что было дорого и мило сердцу, все, что украшало жизнь и давало смысл существования; все, что надо было бросить, похоронить, подняв крест на плечи и с опустошенной душой уйти в чужой, холодный мир навстречу неизвестности».*

Но, как ни странно, именно этот хаос и помог выжить нашей семье. Дед, с его знанием языков, понадобился всем, кто приходил сюда в эти годы. Гурзуф все-таки небольшой город. Там было меньше крови, но не меньше грабежа, часто узаконенного. И деда звали, чтобы сообщить кому-то из местных купцов и ремесленников, а чаще просто богатым обывателям, что у них изымается то-то и то-то, или призывали как переводчика на все языки Крыма к официальным лицам.

Семья выжила. Мой дед и его друг ничем себя не запятнали. Утвердившиеся красные в первую очередь отобрали торговлю Михаила, впрочем, назначив его управляющим в каком-то Совкомхозе (так никто и не узнал, что это значит), но он по-прежнему торговал в своем магазине. Потом пришли к деду с требованием – отдать все сбережения и вернуть виноградные плантации трудящимся массам. Сбережений уже не было. А о виноградниках дед сказал: «Берите, но берегите. Это крымское золото». Бабушка мне рассказывала, что дед очень радовался, когда видел, как советская власть бережно и рачительно относилась к виноградникам и знаменитым Массандровским хранилищам.

Сулейман был, наверное, самым образованным человеком в городе. Его вскоре назначили директором мужской школы. Надо сказать, что она стала лучшей в городе, а, может быть, и в Крыму. Ни он, ни Михаил теперь никуда не стремились уехать, оберегая покой своих семей. В такое бурное и страшное время, время перелома и перемалывания, они нашли спокойную нишу. Бабушка вспоминала, что в 30-е годы, когда где-то развивались гигантские стройки, а где-то сотнями тысяч сажали и убивали людей, в их маленьком мире, в их теплом старинном городе два друга и две семьи жили спокойно и счастливо.

По вечерам друзья сидели в беседке возле дома. Над ними свисали просвеченные и напоенные солнцем гроздья крупного изумрудного или красно-янтарного винограда, играли в нарды и спорили, спорили. Каждый из них был знатоком истории и языка. Это был инструментарий их знаний. Сулейман утверждал не без основания, что триста лет пребывания Крыма под османской империей, оставили в жизни полуострова неизгладимый культурный и религиозный след.

Михаил только посмеивался. Караимы пришли сюда еще из Вавилона. Часть народа израиилева вернулась в Палестину, а часть попала в Крым и на Кавказ. И только много веков спустя хазары, принявшие иудаизм, смешались с истинными караимами. «Мы бережем истинную веру, отвергаем все поздние толкования. Именно мы народ божий. Современные евреи отступили ещё тогда, в Вавилоне. А мусульмане и христиане основные заветы веры взяли из Торы».

Спорили иногда до хрипоты, приводя в пример отрывки из древних манускриптов, которые знали наизусть, и расходились довольные, чтобы потом снова сойтись в споре.

По выходным они гуляли вместе с семьями. Спускались к морю, купались и молчали, пока их жены болтали по пустякам. Иногда просили машину у кого-то из знакомых, чтобы прокатиться вдоль моря.

Одну из таких поездок Елена запомнила навсегда. Это был 1935 год. Тамара уже уехала в Москву. Поступила в медицинский институт. Фетхе окончил школу и собирался в Симферополь, в инженерное училище, а маме было всего 15 лет. Поездка развлекала её. Раскрепостилась и бушевала сочная южная зелень, возвышались горы, вольно дышало море. Наконец они подъехали к огромной долине. Вокруг, куда ни кинь взгляд, террасами спускались виноградники. Дед вышел из автомобиля. Сорвал одну кисть и поднес её к глазам. Виноградины заиграли с солнцем как драгоценные камни. Каждая ягода посылала свой изумрудный свет. Глаз нельзя было оторвать.

– Смотрите, дети. Раньше эти виноградники были наши. Теперь они общие. Не жалейте свое личное. Думайте о винограде. За ним ухаживают, его любят, делают отличное вино. Я хочу, чтобы вы любили эту землю, её язык и этот виноград.

Елена пришла в восторг. Так она потом рассказывала мне. Она поняла и почувствовала благородство своего отца. Его любовь к чему-то незримому, но родному.

Совсем по-другому отреагировал Фетхе.

– Что же тут хорошего, когда все, возделанное и созданное нашими предками, отдано неизвестно кому? «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё!»

Мама рассказывала, что главной чертой брата в эти годы была едкая ирония по отношению ко всему окружающему. Впрочем, высказывал он её только в кругу самых близких людей.

– Главное, что дело живёт, а не погублено, – строго ответил дед, – мы сами найдем, чем заработать и что делать.

Вот так и определились судьбы трёх родных людей.

Летом 1940 года вся семья последний раз собралась вместе. Отмечали пятьдесят пять лет Сулейману и двадцатилетие Елены. Пришли все друзья и знакомые. Бабушка вспоминала, что никогда не было у них так шумно, многолюдно и весело, как в этот день. Её больше всего радовало, что прилетела из Москвы Тамара, теперь уже известный в Москве врач-офтальмолог, с ней прилетел её муж-хирург; приехал из Симферополя Фетхе. А уж Михаил и его сын, Семён, который немного ухаживал за Еленой, просто не уходили из их дома, помогая принимать гостей.

– Я тогда даже подумала – не к добру это, такая радость и веселье, – говорила бабушка. – Как в колодец смотрела.

Поздней осенью 1941 года немцы заняли Крым и вошли в Гурзуф. Тамара осталась в Москве, её муж ушел на фронт. Ушел на фронт и вскоре погиб Семён, сын Михаила. Фетхе избежал мобилизации и примкнул к немцам.

Он на один день приехал в Гурзуф, чтобы объяснить отцу свой поступок.

– Русские отобрали у нас все: религию, землю, виноградники. Немцы всё нам вернут, когда уничтожат большевиков и евреев.

– Евреи-то тут причём? У них тоже отобрали всё, впрочем, как и у русских. Разве в этом дело, что взяли, что дали. Есть твоя земля. С ней мы должны быть вместе: и в горе, и в радости.

– Да нет у тебя ничего! Только немцы всё вернут!

Сулейман страшно побледнел и тихо сказал:

– Вон из моего дома.

Больше никто в семье, кроме моей мамы, Фетхе не видел. Она разыскала его в 1968 году в Мюнхене. Они встретились как чужие. Просто убедились, что оба живы.

Я своего дядю не видел никогда.

Вскоре до нас дошли слухи, что он принимал участи в расстреле евреев под Симферополем. Дед закрылся в своей комнате, он никого не хотел видеть. Вернуться к жизни его заставила новая беда. Арестовали и бросили в тюрьму его друга, Михаила.

Надо сказать, что после известия о гибели единственного сына Михаил сник, постарел, утратил интерес ко всему. Когда фашисты пришли за ним, он воспринял всё как-то отчужденно. Но мой дед не смог вынести ещё одного удара. Он достал старую феску, надел новую рубашку и кафтан, бабушка говорила, что он так никогда не одевался в обыденной жизни, но своей одеждой он хотел подчеркнуть торжественность случая. Он решил пойти к коменданту тюрьмы и вызволить друга. Надо сказать, что Крым заняли румыны, но руководящие должности и войска СС, конечно, были немецкие.

Дед обратился к коменданту на чистейшем немецком языке.

– Моего друга, с которым я провёл вместе всю жизнь, арестовали как еврея. Но он иудей по вероисповеданию, а не еврей. Он караим.

– Да, мне известно, но это профилактическая мера. Вопрос о том, евреи или не евреи караимы, решается на самом высшем уровне. Не нам его решать.

– Простите. Этот человек сейчас подавлен. У него горе. Я ручаюсь за него. Мы прожили бок о бок всю жизнь. Он будет жить у меня дома.

Комендант расхохотался.

– Ну, нет. Уж лучше вы с ним в камере дожидайтесь решению фюрера.

Так мой дед оказался в тюрьме. Он был человеком сильным, здоровым. Как мог, помогал другим заключённым, тем более что ему разрешили передавать передачи. Особенно он беспокоился о Михаиле. Но всё было напрасно. У того не было желания жить. Через месяц он тихо скончался на руках у деда.

Сулейман был в гневе, который перекрывал горе. Он потребовал, чтобы его привели к коменданту тюрьмы.

По-немецки Сулейман не захотел говорить и начал кричать по-русски и что-то по-турецки. Комендант помнил прекрасный немецкий этого человека, но принял игру. Он вызвал начальника госпиталя, расположенного рядом. Тот, румын, говорил и по-немецки и по-русски.

С ехидной усмешкой немец просил Георгия, так звали главного врача госпиталя, перевести ему крики этого человека. Георгий взглянул на Сулеймана. Это была первая и последняя встреча моего деда и моего отца. Врач старался как можно мягче переводить слова деда, о том, что немцы оказались не великими инженерами и музыкантами, а профессиональными убийцами, что в этом они нашли своё призвание.

Чтобы не говорил Георгий, гнев и крик деда были понятны и без перевода. Комендант вызвал конвой и велел расстрелять этого человека во дворе тюрьмы.

Так друзья и приняли одну смерть на двоих.

Георгий был потрясен. Он давно начал презирать немцев за жестокость и самомнение, но этот случай перевернул его.

Он узнал, где живёт семья убитого, и поспешил к нам. Когда он вошёл в дом, бабушка побледнела и только спросила: «Сулейман?» Короткий кивок был ей ответом. Она ушла плакать к себе в комнату.

Георгий остался наедине с Еленой. Он обратил на неё внимание еще во дворе тюрьмы, когда она носила передачи отцу. На неё нельзя было не обратить внимание. Вот передо мной её фотография, которую я попросил сделать в Лондоне, впервые увидев мать после десятилетней разлуки. Ей 43 года, а выглядит она как та двадцатилетняя красавица, которую увидел мой отец. Только взгляд, наверное, строже и умнее. Золотые волосы падают до плеч, обрамляя боттичеллевское лицо: чуть удлиненное, с огромными синими глазами. Тонкие пальцы рук придерживают шарф, падающий вдоль всей её стройной фигуры. Никаких украшений, только массивный старинный перстень с алмазом, доставшийся от прабабки. Вот такой, но проще и беззащитней, увидел её мой отец.

– Выходите за меня замуж, иначе, боюсь, комендант не оставит вас в покое. Я румын, меня зовут Георгий. После всего увиденного на войне я ненавижу немцев.

Как мне потом рассказывала мама, она поверила этому красивому и мужественному человеку. Благородство сквозило во всём его облике.

Все оставшиеся дни оккупации Крыма Елена и Георгий помогали партизанам. Особенно рисковал мой отец, передавая важные сведения, стараясь, как только мог, лечить раненых.

Красную армию он встретил в составе партизанского отряда. Потом ушёл дальше на фронт. Все тем же главврачом военного госпиталя, но уже советского. Он потом рассказывал мне, что зверства немцев подтолкнули его к такому решению, а встреча с мамой поставила точку в его колебаниях. Брат же Елены, Фетхе, ушел вместе с немцами.

Когда освободили Крым, Тамара стала звать мать и сестру в Москву. Муж её погиб под Сталинградом, детей не было, тоскливо оставаться одной в большой трехкомнатной квартире. Но мама и бабушка отказались. Они не хотели покидать родовое гнездо, где было столько радости и столько печали. А зря. В начале 1945 года маму арестовали. Не помогали ни свидетельства соседей о героической смерти дедушки, ни то, что муж у неё воюет в Красной армии. Бабушке срочно пришлось переехать к Тамаре в Москву, продав за гроши старый дом. Иначе её могла ждать участь крымских татар и турок. Ещё она надеялась, что в Москве письма с просьбой об освобождении дочери, возможно, дойдут быстрее. В конце 45 года отец вернулся из Берлина. Именно он нашел партизан, которым они с Еленой передавали сведения и смог вытащить жену из рук НКВД.

Елену выпустили в середине 1946 года. Но с условиями, о которых она рассказала мужу только перед разлукой в 1953 году.

Несколько лет они жили счастливо дружной семьей в большой квартире Тамары в самом центре Москвы. Отца отправили учиться в Высшую партийную школу, мама работала переводчицей в издательстве «Академия», Тамара стала профессором медицинского института. Но душой дома была бабушка. Человек тёплый, добрый, умный, она освещала и объединяла жизнь семьи. В 1950 году родился я. В силу обстоятельств, тяготевших над нашей семьей, настоящей моей матерью стала бабушка.

В 1953 год, после окончания Высшей партийной школы, отца отправили в Румынию на крупную партийную должность, но матери не позволили поехать с ним. Ей напомнили об условии освобождения: когда понадобится красивая молодая женщина, знающая языки, её отправят туда, куда сочтут нужным. Так мама оказалась в Лондоне. Я не видел ни отца, ни мать десять лет. Встретился с ними, когда ограничения были сняты. Каждый жил своей жизнью, но оба сознались мне, что эта первая страстная любовь была самой сильной и самой прекрасной в их жизни.

Валентина Кондрашова (Самара)

ЭТО ЛУЧШЕЕ СЛОВО… АРТЕК…

Рассказ

И сейчас, спустя сорок с лишним лет, эти воспоминания заставляют биться моё сердце чуточку быстрее, чуточку громче, чуточку радостней. И вновь я вижу себя ту, белобрысую и худющую, склонившуюся над учебником ненавистной геометрии. А все ради него… все ради обещанной награды – встречи с *ним*!

Две недели назад меня и еще двоих семиклассников вызвал директор школы и, ехидненько усмехаясь, помахал перед нашими носами какой-то бумажкой:

– Так, братцы-сестрицы, – начал он, наслаждаясь нашим испуганным видом, – из РОНО пришло письмо, в котором говорится, что вы… – директор сделал длинную паузу и только после того, как понял, что мы находимся на грани обморока, закончил, – едете в Артек. – И засмеялся чисто, звонко, радуясь и за нас, и, как ему показалось, удавшейся шутке.

– Но, – продолжал он после минутного перерыва, – для этого вы должны закончить год на «отлично». Лиза, – голова директора повернулась в мою сторону, – подтяни геометрию – она представляет для тебя большую опасность.

– Подтяну, – крикнула я и вместе со всеми выбежала в коридор.

Геометрия… За все остальные предметы я не переживала, статус «пожизненной» отличницы был даден мне не за красивые глазки, а вот с геометрией отношения не сложились с первого дня, но я знала, что смогу.

С этого дня началась моя агония.

Я чертила прямые, а видела стрелы дорог, ведущих к песчаным пляжам, вырисовывала ломаные, а передо мной всплывали величественные, окутанные голубой дымкой вершины гор, повторяла теоремы, а слышала шум утреннего прибоя и крики белоснежных чаек.

Все книги из библиотеки, где только могло быть упомянуто слово «Крым», переселились в мою комнату и перелистывались, перечитывались долгими, наполненными тоской и мечтой вечерами. Я наслаждалась чистым морским воздухом, трогала дрожащей рукой виноградные грозди и прижималась щекой к стволам невиданных доселе кипарисов.

А еще – море!

Оно было в каждом шорохе, в каждом шуме и каждом звуке, и даже в дыхании уснувшего дедушки мне чудился легкий шёпот морской воды. Море жило независимо от меня, такое огромное, такое чистое и манящее. Засыпая, я слышала, как оно желает мне спокойной ночи, просыпалась – и оно желало мне доброго утра, и постоянно просило – «учи-и-ись… учи-и-ись…».

И я училась.

К маю, когда нам должны были вручить путевки в Артек, я знала на «отлично» не только геометрию, но и всю историю Крыма. При желании я могла бы работать там гидом, однако особой любовью у меня почему-то пользовалась гора Аю-Даг. Ах, сколько сказок сочинила я для соседской детворы про этого легендарного медведя!

И вот пришел день, когда на общешкольной линейке объявили имена счастливчиков. Как на крыльях летела я домой и кричала всем попадавшимся по дороге знакомым: «Я еду в Артек! Еду! Еду! Еду!..»

В Артек я не поехала…

Мама сказала, что некому пасти корову, да и вообще, нечего там делать, только деньги тратить. Речка за огородом ничуть не хуже. Присматривая за жующей траву коровой, я представляла себя лежащей на песчаном пляже и вбирающей в себя тепло и силу черноморских волн. Летнее солнце быстро слизывало слёзы с моих щёк, а я мечтала о том, как стану взрослой, куплю билет на поезд и, набрав полную грудь воздуха, крикну: «Я еду к тебе, Артек! Еду! Еду! Еду!..»

Виктор Кротов (Москва)

СУРОЖСКИЕ СКАЗКИ

Крымский город Судак когда-то называли Сурожем. Вот и сказки там у меня сочинялись – сурожские. Полные солнечной радости от этих мест и от их жителей.

Это сказки-крошки, в каждой из них не больше ста слов. Но думаю, что если я снова окажусь в этих волшебных местах, сказочки могут вырасти, почему бы и нет?..

Спасибо моей жене, Марии Романушко, открывшей для меня эту благодатную землю, и нашим четверым детям, которые тоже разделили с нами это открытие. Спасибо семье Галичей, гостеприимный дом которых не раз служил нам здесь приютом.

Бульдозер на пляже

На пляж приехал бульдозер. Камни сгребает, песок выглаживает. Рычит, пыхтит, старается.

Отдыхающих вокруг много. Меньше, чем песчинок, но больше, чем камушков. Но никто почти не замечает бульдозер. А кто заметит – только улыбнётся.

Бульдозер-то совсем игрушечный. И рычит-пыхтит совсем детским голоском.

Визит бандитов

Отдыхала у моря семья. Жили они в белом домике, похожем на все остальные. Вдруг как-то ночью распахнулась дверь, и на пороге – бандиты. Один громадный, свирепый. Другой маленький, злой.

Дочка под кровать спряталась. Мама в обморок упала. Папа табуретку схватил…

А бандиты извинились, что дом перепутали, и ушли. Большой тихим голоском извинялся, зато маленький – ласковым басом.

Вот страх-то какой!..

Горлица-полиглотка

Жили в Крыму приятели-соседи: русский и татарин.

Говорит русский:

– За моим участком горлица кричит, по имени меня кличет: Иг-на-тий!

Удивился татарин:

– И у меня за участком горлица по имени меня зовёт: Рус-тем-чик! Неужели наши горлицы разных наций?

Пошли вместе своих горлиц выслеживать, но только одну заметили. Закричала она. Одному «Иг-на-тий» слышится, другом «Рус-тем-чик»…

Такой вот полиглоткой горлица оказалась.

Комар-пивопийца

Сидели друзья на веранде, пили пиво. Прилетел комар, не кусается, сел на край стакана и давай пиво пить!

Засмеялись друзья, ещё пива комару подливают, да и себе не забывают. Так напились, что и не заметили, как комариные друзья тучей налетели и давай кусаться-питаться.

Видать, у комара такое задание было: людей подготовить. Иначе он и капли пива в рот бы не взял.

Водомысль

Купался Свим в море. Нырнул с маской и трубкой под воду, а там цветок прозрачный плавает. Думает Свим: «Вот это водоросль!»

И вдруг слышит, как цветок думает в ответ: «Не водоросль я, а водомысль».

«Как это?» – думает Свим.

«Вот так, – отвечает цветок мысленно. – Мы, водомысли, от размышлений моря возникаем. Только нас редко кто замечает и ещё реже кто с нами общается».

Приплыл Свим к берегу задумчивым. Даже голову ощупал: не поросла ли она человекомыслями?

Богомил и богомол

Мальчик Богомил поймал богомола. Посадил в банку на столе. И пошёл ловить для него насекомых. Их много надо было.

Научился Богомил прятаться, как богомол, хватать мух, как богомол, – и так постепенно превратился в богомола.

Вернулся к себе, а там, оказывается, богомол из банки вылез, человеческой пищи наелся и человеком стал. Увидел человеческий богомол Богомила, смеётся:

– Иди сюда, давай дружить. Уж я тебя в банку прятать не буду!..

Браслет из запахов

На кипарисовой аллее южного городка купил отец дочке браслет из пахучих кусочков дерева.

Вскоре заметила дочь, что каждый кусочек пахнет по-особому. Понюхаешь один – веселее станет. От другого запаха аппетит приходит. Третий боль унимает. Звеньев в браслете много: и в том помогают, и в этом.

Девочка и сама другой стала, и всем на помощь старалась прийти. Она же твёрдо знала: главное – нужный запах вдохнуть.

Крутые горки

Все любят кататься на поезде-аттракционе по крутым горкам. А круче всего они в городе Судаке…

Там в полночь может сорваться поезд со своего железного маршрута и отправиться в путь по настоящим горам. На Сокол взлетит и на Перчем. С Крепостной горы на Сахарную Головку, с Алчака на Ай-Георгий, а там и на Меганом…

Всю ночь можно проездить, если шепнуть поезду заветное слово. Кто его знает, сообщите, пожалуйста! Очень хочется попробовать!..

Заплыв в бутылку

Капитан Чпок хорошо водил свою яхту. Он был упрям и напорист.

Подплыл он однажды к берегу, а там пустая бутылка плавает. Решил Чпок показать своё невиданное искусство: завести яхту в бутылку!

Столько в нём капитанской решимости было, что яхта перед бутылкой уменьшилась – и вошла в горлышко.

А сам-то Чпок не волшебник ведь, чтобы уменьшаться! Так и остался в воде перед бутылкой.

Яхта в бутылке стала расти, пока не упёрлась в стекло. Так она с тех пор и хранилась в бутылке на столе у Чпока.

Загадочный горшок

Отдыхающая семья пошла однажды в прибрежный ресторанчик. Увидели они в меню *курдямки*. Решили попробовать.

Принесли им глиняный горшочек. Стали они оттуда есть, что кому попадётся. И кабачки там были, и картошка, и бобы, и гречка, и рис, и креветки, и макароны, и помидоры, и чеснок, и пельмени, и тефтели, и капуста, и свёкла…

Только курдямок они там так и не нашли. Но и без них все наелись до отвала.

Ракушные бабочки

На приморской набережной, где торговали сувенирами, стоял прилавок с бабочками из ракушек. Скучно ракушным бабочкам на прилавке.

Проходил мимо фокусник, махнул рукой, они и ожили. Взлетели стаей над морем, только крылышки постукивали.

Увидели их морские ракушки, моллюсков своих повысаживали, створками замахали – и тоже в небо. Туча возникла. Загорать стало невозможно. А сколько стука было от крыльев!..

К счастью, скоро все они улетели в Африку.

Мастер уступания

Один сурожский гном рассказал мне, что в каждом спорте, да и вообще в каждом деле, есть звание важнее, чем чемпион мира. Это – *мастер уступания*. Такой мастер должен уметь проигрывать, не поддаваясь. Дать опередить себя, не останавливаясь.

Мастер уступания – звание тайное. Но он способен обыграть любого чемпиона. Иначе кто же будет гордиться победой над мастером уступания?

Мне рассказал это гном, который стал мастером уступания по сказкам. Он сам эту сказку придумал, но уступил мне право её рассказать.

Банка на все вкусы

На рынке сидел торговец с большой банкой. В ней было что-то золотисто-прозрачное. Подошла к прилавку старушка за подсолнечным маслом. Торговец налил ей масла в бутылочку. Подошёл парень за мёдом. Торговец налил ему оттуда же душистого мёда. Девушке налил яблочного сока.

А тем, кто вино искал, торговец и вина оттуда наливал.

– Что у тебя там такое, в твоей банке? – не выдержал, наконец, сосед по прилавку.

И услышал в ответ:

– Чистое желание…

Потом собрался торговец домой, отпил глоток из банки и исчез вместе с нею.

Из жизни вулканов

Два вулкана, муж и жена, пошли как-то вечером прогуляться.

По дороге заспорили о своём происхождении.

– Я из хорошей семьи, – кричала вулканша, – а ты изверг!

– Я родом из Греции! – грохотал муж. – Моим предком был сам Гефест. Изверг, говоришь? Могу и извергнуться!

Тут началось такое взаимное извержение, что дым окутал обоих, а когда рассеялся, то их уже не было.

Оживление памяти

Пошёл Рист осматривать старинную крепость. Бродил там уже в сумерках, совсем один. Вдруг из развалин выскочили воины в латах и шлемах, схватили Риста, связали и поволокли куда-то.

Притащили к плахе. Палач на него секирой замахнулся…

Тут – вспышка! Палач секиру положил, Риста развязал и говорит:

– Фото на память о древности оплатите в кассе.

Получил Рист своё фото на плахе и убежал поскорее.

Охота на едоков

На одном южном пляже завелась хищная пища.

Курортный сезон кончался, и за каждым оставшимся бегали сочные чебуреки, хрустящие вафельные трубочки, пухлые тёплые пирожки и множество других съедобных существ. Окружат курортника, ноздри щекочут, подрумяненными боками форсят, в рот набиваются, чуть в уши не лезут.

Бедные пляжники так потолстели, что пришлось вход на пляж расширять.

А хищная пища всё старалась их раскормить до того, чтобы они не уходили и не уезжали.

Сувенирные наушники

Отдыхал Вуву с родителями на юге.

Перед отъездом подошли к прилавку с сувенирами. Вуву выбрал себе наушники из раковин.

– Что ты там услышишь? – фыркнули родители, но купили.

А Вуву не прогадал. Наденет наушники: море со всех сторон шумит, люди смеются, торговцы чебуреки предлагают, водорослями пахнет, ветерок дует, солнышко печёт…

Заберётся Вуву с наушниками в ванну, а вылезет загоревший и просоленный. Такой вот сувенир ему достался.

Колесо восхищения

Оно было похоже на обычное колесо обозрения. Но устроено было иначе. Кабины на нём были одноместные, и три подружки, Леу, Теу и Шеу, сели в три кабинки подряд, а вернулись далеко друг от друга.

Леу чуть приподнялась над городком, охнула от восторга – и тут же колесо стало её спускать.

Теу была спокойнее, и колесо подняло её так, что стало видно на сто километров.

– Ох! – выдохнула она, и тут же поехала вниз.

Ну а Шеу охнула лишь тогда, когда оказалась за облаками.

Хорошо, что в космос не утянуло!..

Остров на пляже

На пляж пришла компания. Дети их у самого прибоя насыпали гору песка, а там и взрослые принялись помогать. Получился целый остров. На нём вся компания и расположилась. Один толстяк даже себе пещеру вырыл и улёгся в ней спать.

Загорали весь день, только вечером и разошлись.

Наутро пришли снова на пляж, да остров прибоем размыло. Только сонный толстяк лежит, глаза продирает…

Гора, поросшая ветром

Среди Крымских гор стоит одна особая гора. Высокая не высокая, широкая не широкая, а вершина у неё вся поросла ветром.

Но чтобы разглядеть это, особое зрение нужно – как у Алима. Он увидел заросли ветра, да и выкопал себе молоденький ветерок. В своём дворе посадил.

С годами разросся ветер, стал двор защищать. Никакой чужой ветер не впустит. Нужен дождь – нагонит тучи. Не нужен – разгонит.

Ещё бы: очень уж хорошо Алим за ним ухаживал.

Надгорная гора

Несколько бугорков заспорили, кто выше. Самый маленький говорит:

– Что мы спорим? Вон над нами гора выше всех нас.

– Нет, – услышал он в ответ, – я просто пригорок. Есть над нами и настоящая гора.

– Что вы, – вздохнула гора, – вот надо мной гора, так гора.

Так и пошли вздыхать горы, одна другой выше. Все, кроме одной: её вершина поднималась над всеми ними, и её предгорьями все они были.

Фея-хозяюшка

Прилетела на рынок фея. Ростом чуть больше пальца. Порхнула на прилавок, просит десять кило помидор, покрасивее отбирает.

– Как же вы унесёте? – беспокоится продавец.

– Ничего, сейчас муж подойдёт.

Порхает, продукты выбирает, да помногу всего. Одних арбузов пять штук взяла, самые большие.

Вдруг тень на рынок упала – такой великан подошёл! Наклонился, еду в мешок побросал, за спину закинул. Фея к нему на бороду взлетела, в нос чмокнула – и пошли они к себе домой.

Лекарство для мамы

Заболела мама. Пришлось папе с дочкой самим на рынок за едой идти.

Купили еды, пошли с рынка. Тут из цветочного ряда им самая красивая роза кивает: купите меня, не пожалеете. Купили и её.

Пришли домой, поставили розу возле маминой постели. Вдруг зазвонила роза, как колокольчик, розовым звоном и говорит на розовом языке:

– Пора выздоравливать.

Обрадовалась мама и выздоровела.

Каменная библиотека

Жила Тюша в доме возле Крымской горы.

Книг у них было мало, зато горная фея научила Тюшу читать камни. Возьмёшь камень в руку и видишь всё, что вокруг этого камня происходило миллион лет назад.

– Ох, сколько у меня камней – несчитаных, нечитаных!.. – радовалась Тюша.

Вот только грузовики к горе приезжали. Нагружают камни и везут куда-нибудь на стройку.

– Сколько интересного увезли, – жалела Тюша. – Ну ничего, через миллион лет кто-нибудь и об этом прочтёт.

Поцелуй котика

Девочка Фляя умела читать, писать и считать, но не умела плавать.

Оказалась она однажды в дельфинарии. Там выступали дельфины и котики. После представления Фляя побежала фотографироваться с котиком. Тот поднял ласту, протянул мордочку к Фляе и крепко её поцеловал. А потом шепнул на ухо:

– Давай поплаваем.

И оба спрыгнули в бассейн! Все всполошились, но Фляя плавала не хуже котика и так здорово ныряла, что служитель по ошибке кинул ей в награду рыбку.

Сурожские жалозавры

В незапамятные времена, когда расплавленная внутренняя магма Земли подступала к самой поверхности, жили вокруг Сурожской бухты жалозавры.

Они протыкали жалом почву и пили магму. Их украшали самые разнообразные гребни: у кого на спине, у кого на голове, у кого на хвосте. И веером гребни растопыривались, и султаном стояли.

Давно это было. Магма вглубь ушла. Жалозавры окаменели.

Мы думаем, это просто горы, а они всё свои жала вглубь тянут, всё хотят достать до горяченького.

Ящерка с любящим взглядом

Приехали родители с детьми отдыхать, да все перессорились. Позже не могли даже вспомнить почему.

Полез обиженный папа один на гору и увидел ящерку с любящим взглядом. Протянул руку, она и шмыгнула к нему на ладонь. Принёс домой: не убегает.

Посмотрела на неё мама – не может глаз оторвать от любящего взгляда.

Подошли брат с сестрой, тоже глядят, не наглядятся.

Потом взглянули все друг на друга с такой любовью, что никогда больше не ссорились. Увидела ящерка, что всё хорошо, – и убежала.

Батарейные братья

Пришли братья-близнецы на электрических автомобилях покататься.

Никого больше не было. Помчались они по извилистым дорожкам на всей скорости. То об резиновые стенки стукаются, то друг об друга. Аж детали разные стали из машин высыпаться.

Родители волнуются, а смотритель смеётся: бывает, мол. Но когда из машин и батареи вылетели, а братья всё гоняют, тут и он ошалел.

– Ну и близнецы у вас, – говорит. – На собственной энергии ездят!

Ущелье сквозной неизвестности

В одной из прибрежных крымских скал есть сквозное ущелье.

Раньше оно вело из одной бухты в другую. Потом от землетрясения что-то сдвинулось, и стало оно уводить невесть куда. То в Африку из него люди попадали, то в Арктику, то ещё куда, заранее не угадаешь. Приходилось тюк одежды с собой брать на разные случаи жизни.

А сюда из ущелья разные иностранцы пролезали. Один раз даже марсианин высунулся, но тут же обратно к себе убежал.

Если попадёте туда – поосторожнее!

Осиная служба

Мама купила дочке на курортном пляже пахлаву. Осы вокруг вьются. Мама от них в море убежала. А дочка с осами разговорилась.

– Что же вы, – спрашивает, – за продавцами летаете, мешаете им?

– З-з-забавно ты говоришь, – зудят осы. – Мы как раз-з-з у них на службе. Вьёмся над товаром, чтобы все издали видели, как сладко. Продавцы кричат, сласти нахваливают, кто им верит? А нам, осам, верят: у нас вкус безошибочный. З-з-за это нам остатки перепадают. Ну, будь з-з-здорова. Пора на з-з-заработки.

И улетели.

Почва из-под ног

Стояли у моря жених и невеста. Прибой песок размывает, невеста жалуется:

– Почва из-под ног уходит. Ты меня плохо держишь!

– Сам еле держусь, – ворчит жених. – А ты на мне ещё всей тяжестью виснешь.

Совсем собрались разругаться, да прибой им шепчет:

– Глупенькие, потерпите немного. Волны прежний песок из-под ног унесут, зато новый насыплют. Никуда вас не смоет, если будете жизни радоваться.

Прислушались жених и невеста к прибою, улыбнулись друг другу и даже поцеловались.

Кот и котик

На Крымской биостанции, где выступают дельфины и котики, жил ещё и обычный кот. Он дружил с котиком Кисей.

Кот позавидовал, что Кисе дают столько рыбы за выступления, и решил тоже выступать. Нырнул в бассейн, но оказалось, что там плавать надо, а он не умел. Хорошо, Кися на помощь подоспел. Посадил кота на спину и повёз по воде. Зрители захлопали, а коту с Кисей по рыбке досталось.

Так они и стали выступать: кот тонет, а котик спасает.

Море и малыши

Поглядело море на пляж, рокочет:

– Опять малыши весь берег усыпали. Надо поиграть с ними.

Плеснуло легонько на берег.

– Странно, – думает. – Одни малыши играют со мной, прыгают, хохочут, а другие, чуть покрупнее, серьёзными остались. И всё маленьких малышей ругают. Надо и этих развеселить.

Плеснуло волнами посильнее.

– Ну вот, – радуется, – теперь и крупные малыши запрыгали не хуже маленьких. Ладно, пора по-настоящему размяться.

Заходили большие волны. Схватили родители детишек и побежали от моря подальше.

Выставка-раздача

На курортной набережной встретились две семьи. Одна говорит:

– Мы с выставки-продажи идём. Там такие картины! Такие украшения! Только дорого.

– А мы с выставки-раздачи, – говорит вторая семья. Вон какие раковины несём. И камни с пейзажами. И кулоны, что к любому платью подойдут. И всё бесплатно.

– Ой, – закричала первая семья. – Где это?

– Да повсюду, – отвечает вторая. – По всему берегу море выставку-раздачу устроило.

Коренные иностранцы

Политики перепутали что-то в своих бумагах, и город Урм оказался вместо своей страны в соседней.

Проснулись урмяне, а все вывески на чужом языке написаны. Газеты на чужом языке, радио и телевизор тоже. Все документы недействительны, надо новые заводить.

Не понравилось это урмянам: они хотели по-старому жить. Купили они себе подходящего политика. Он все бумаги по Урму обратно перепутал, и оказались урмяне в прежней стране.

Хорошо. Надоело им быть у себя иностранцами.

Разговорчивая коза

Дело было в Крыму. Подошли туристы к горе Алчак, а у подножья коза пасётся.

– Привет, – говорит. – Глядите, как у нас тут здорово.

И стала рассказывать, как на восходе Алчак прекрасен и на закате…

Но туристы слышат только «ме» да «ме». Решили, что коза голодная, печенье ей суют. Расстроилась коза:

– Я вам о красоте, а вы мне еду суёте…

И снова – про море, про небо… А туристам опять меканье слышится.

– Да, – кивнул один, – я тоже проголодался.

И пошли они искать, где пообедать.

Моллюск Люся

На дне моря жил в своей раковине моллюск. Вернее, жила. Ведь это была устрица.

Звали её Люся. Не валялось ей на дне, как всем устрицам. Научилась она плавать. Машет ракушками – и плывёт.

Потом насмотрелась на птиц и летать научилась. Машет ракушками – и летит.

Однажды залетела Люся в лодку к любителю устриц. Тот схватил её, съесть хотел.

Но Люся ракушками нос ему защемила, шепчет:

– Отпусти по-хорошему, а то я сама тебя съем.

Едок сразу в обморок упал.

И устриц больше не ел никогда.

Писатели и питатели

Отдыхала в Судаке семья писателей. Питались они в маленьком кафе. Там тоже работала целая семья. Писатели прозвали их питателями. Обе семьи подружились, и писатели часто рассказывали, как они пишут свои книги.

Приходят они однажды в кафе, а на двери записка: «До свидания. Мы уехали в столицу. Хотим тоже стать писателями. Продукты в холодильнике».

Пришлось писателям самим взяться за готовку. Ведь надо же было питаться.

Коты из темноты

В одном домике, в одном дворике была какая-то необыкновенная темнота. Сгущалась она вечером, сгущалась, а потом – раз – и из неё возникал кот. Или кошка. И ещё… И ещё…

Бывали урожайные вечера, котов на двадцать. И уж никак не меньше пяти. Ночью они сыпались, как переспелые груши: по крыше стучат, прыгают, мяукают. Наступит утро – и ни одного кота нет как нет.

Откуда они возникали? Куда исчезали?.. Тёмная история.

Муха, размышляющая о жизни

По комнате летала очень умная и очень шумная муха.

– З-з-замечательное з-з-занятие раз-з-змышлять о ж-ж-жиз-з-зни, – жужжала она. – Без-здна з-з-знания порож-ж-ждает жаж-ж-жду осоз-з-знания, неиз-з-звестную нежужж-жащим.

Тут один из нежужжащих, которому муха не давала сосредоточиться на своих мыслях, хлопнул её газетой.

Вылетела муха в окно и жужжит:

– Воз-з-змутительное невеж-ж-жество! Поз-з-зор нераз-з-змышляющим из-з-звергам!

Природные картины природы

Летом на курортной набережной торговал картинами старичок-художник.

Он не любил рисовать красками. Птиц он изображал с помощью перьев. Горы делал из мелких камушков (с той самой горы, которая на картине). Цветы, травы, кусочки дерева – всё шло у него в ход.

– У вас всё как настоящее, – похвалил его один курортник.

– Почему как? – обиделся старик.

Наклонился к своей картине – и вошёл в неё. Помахал оттуда рукой и скрылся за холмом.

А картины собрала внучка, чтобы унести домой.

– Дедушка часто там гуляет, – объяснила она.

Зверинец страхов

Забрёл Вэк в какой-то санаторий. Там подбегает к нему человек, кричит:

– Крокодил в кустах!

Глянул Вэк в кусты: нет никого.

Тут врач подошёл, говорит:

– У всех наших пациентов страхи. Просто так их не видно.

Брызнул в кусты особым аэрозолем, и там крокодил обнаружился. Понёс его врач в зверинец и Вэка туда привёл.

– Мы тут все страхи собираем, – объясняет, – чтобы пациенты привыкали их не бояться. Я вам всё покажу. Только вон в ту клетку без меня загляните. Там мой страх сидит, я его и видеть не хочу.

Арбузная бабочка

Одна бабочка случайно вылупилась не из куколки, а из арбузного семечка.

Когда ели арбуз, она прилетала попить арбузного сока. Все махали руками, отгоняли её. Только младшая дочка говорила:

– Пусть попьёт красавица.

Вот у этой девочки на окне бабочка отложила яички. Зелёные в полоску. К утру это уже были маленькие арбузы, а через пару дней – большие. Когда такой арбуз разрезали, из косточек вылуплялись арбузные бабочки, совсем новый вид.

Учёные изучили их и назвали *Айя арбузи*. Догадайтесь, в чью честь.

Пирожки с ямбом

Сидят на пляже курортники.

Мимо торговки ходят, пирожки предлагают. Горячие, только испечённые. Столько начинок разных! Один шутник возьми да спроси:

– А с ямбом пирожки есть?

Удивилась торговка, головой задумчиво качает. Часу не прошло, как пришла другая торговка, кричит на весь пляж:

– Кому пирожки с ямбом?

Шутник аж рот разинул. Купил пирожок, попробовал – никогда такого не ел. Ещё пять пирожков купил и спрашивает: что за рецепт?

– Новый какой-то, – говорит торговка. – Специально для приезжих.

Поющий дворик

В домике на юге жила очень музыкальная семья. Весь день у них звучала замечательная музыка.

Однажды ночью собрались цикады, жившие вокруг дома, и старшая из них сказала:

– Давайте и мы будем музыке учиться. Стыдно жить в таком окружении и петь так однотонно.

Цикады оказались способными, и скоро здесь по ночам не хуже концерты звучали, чем днём.

Пришлось даже объявить дворик памятником садово-музыкального искусства.

Местное вино

Приехали двое отдыхать в село Виноградное. Расспрашивают местных, какое вино у них самое вкусное.

– Наше местное, конечно, – говорят им местные. – Только вы его не оцените.

Пошли они в магазин, на рынок, а местного вина нигде нет. Еле упросили хозяев дома, где жили, угостить их местным вином.

Выпили с хозяевами по бокалу, другому, третьему. Странное вино, на сок или морс похоже.

А хозяева захмелели, улыбаются, глаза сверкают.

– В каком замечательном месте мы живём, – говорят. – Вам, гостям, этого не понять.

И в пляс пустились.

Пожали плечами гости и пошли спать.

Опрокидывательный плотик

Родители купили сыну надувной плотик. Пошли на море.

Сел сын на плотик – опрокинулся.

Снова сел, снова упал в воду.

Мама подошла показать, как надо, тоже упала.

Папа взялся, тоже в воде оказался.

А вокруг уже целая очередь собралась. Люди ищут, у кого билет купить: всем плюхнуться хочется.

Александр Лозовой (Москва)

СЕННАЯ ЛИХОРАДКА

Рассказ

Первый раз в жизни Мирона Попидренко выпороли по-настоящему, когда ему было шесть лет. Он не стал доедать галушки, а мать взяла и съела их из его миски. Тогда маленький Мирон стал визжать и вопить: «Разрежьте ей живот и достаньте мои галушки!»

Второй раз Мирона выпороли как следует в семь лет.

Жили они в селе подо Львовом. В окно увидели, как к их дому подходит старый уважаемый гуцул.

– Вже иде, а я так и не встиг ему виддати гроши, – произнес батька Мирона и обратился к жене: – Я сховаюсь в сральню, а ты скажи, що мене нема вдома.

Жена, хоть и была набожной женщиной, но солгала нежданному гостю, но когда гуцул уже выходил за калитку, Мирон подбежал к нему с детской подобострастностью (которая у некоторых людей сохраняется на всю жизнь) и сообщил: «Батько вас побачив и сховався в сральню!» Гуцул плюнул на землю и сказал матери Мирона: «Оцей и батька за окрайку заткне» («Этот и отца за пояс заткнет»), – и затем неторопливо, степенно направился к уборной, которая стояла в глубине двора.

Батька через щели в стенках увидел неладное и хотел перебежать в лопухи. Он попытался отодвинуть доску с задней стороны кабинки, но в суете не удержался и провалился.

В таком виде, стоящего по пояс в выгребной яме, его и застал гуцул. Осознавая еще большее свое превосходство, гуцул вместо сочувствия спросил у вдвойне униженного батьки про долг.

Батьку отмачивали до вечера, а со следующего утра он начал обстоятельно пороть Мирона с перерывами в течение всего дня.

В семье Мирона религия была доморощенной. Батька говорил: «Мироне, не ври на исповеди (а в жизни можно), а то, как будешь причащаться – почернеешь». «Запричастившись», Мирон смотрел на себя в зеркало. К удивлению и радости он не чернел. И с этих пор он уже не верил ни отцу, ни Богу. Правда, Мирон видел, как Бог все-таки помогает, потому что есть люди, к которым деньги сами липнут. А это как же не от Бога!? И Мирон иногда ходил в церковь, на всякий случай: «А вдруг все-таки Он даст?»

Разделив наследство с братом и разведясь с женой, Мирон решил купить себе мазанку в Крыму, чтобы особо не работать, а жить за счет отдыхающих. Хата была из трех комнаток, чулана, а кухня во дворе. Все это находилось у пыльной дороги с пирамидальными тополями, рядом с несколькими другими мазанками над обрывом у моря. Рос, правда, во дворике у Мирона кипарис.

Причины развода у Мирона были самые обычные. Одна из них: жена постоянно варила суп из крапивы, которую Мирон терпеть не мог.

Отец же умер следующим образом. Как-то он себя плохо почувствовал и прилёг. Мать, как и подобает набожной женщине, встала в другой комнате перед иконами и стала молиться о его здравии. До неё донесся голос: «Дай мне нитроглицерин!»

«Ты что не видишь, что я за тебя молюсь! Это поможет лучше всяких лекарств! Подожди!» – ответила она. И когда после окончания молитвы она все-таки вошла с лекарством в другую комнату, то муж уже скончался от сердечного приступа. Тогда она встала перед ним на колени и стала читать молитву о расставании души и тела.

Мирон, чтобы разместить побольше постояльцев, построил еще во дворе клетушку из досок. Выкрасил в комнатках полы (кроме чулана), побелил стены и стал ждать наплыва отдыхающих, которые не заставили себя ждать. Сам Мирон переселился в чулан.

Одну из комнаток у Мирона занимал Глузер – поэт-переводчик из Москвы, который все время писал, мало гулял и читал непонятную для Мирона книгу на иностранном языке какого-то Забокова или Набокова.

– Если он русский, то почему на иностранном пишет?

– Долго тебе объяснять.

– Зачем приехали на свежий воздух, если все время курите? – ворчливо пробормотал Мирон.

– Я с детства курю и испытываю от этого только удовольствие. Никогда не бросал курить и не собираюсь! – отрезал Глузер.

Потом Мирон подселил к Глузеру профессора Прошкина из Ленинграда.

Профессор вставал с рассветом и шел на пляж, но не купаться. Он трогал влажный песок, измерял его сантиметром, что-то искал. И так целыми днями. Но мало ли приезжает к морю чудаков. Профессор, наверняка бы и спал на пляже, но это была пограничная зона и ночью там находиться запрещалось.

Однажды поздно вечером профессор вернулся перемазанный, и от него дурно пахло. Мирон позлорадствовал и вспомнил, но, правда, вслух не произнес, украинскую прибаутку: «Наступил – мягко, потрогал – лыпко, покушевал – говно!»

Мирон не был расположен к своим отдыхающим. Когда Глузер и профессор однажды допоздна выпивали и не могли пойти за закуской, так как сельпо (магазин сельского потребительского общества) было уже закрыто, Мирон предложил им хлеба и несколько яиц, хотя какая-то еда в доме все-таки имелась.

Мирон от нечего делать стал допытываться у Глузера, почему он такой худой. Глузер ему объяснил, что его сушит умственная работа, но вот почему Мирон такой тощий – непонятно. А ведь есть эффективные методы против худобы.

Мирон, сам того не подозревая, откликнулся на подвох Глузера и доверительно признался: «Это все потому, что из меня выходит больше, чем я съедаю».

Глузер слышал ранее и другие противоположные суждения: «Из меня гораздо меньше выходит, чем я ем и пью». По этому признаку, считал Глузер, люди и делятся на две разные категории. С первыми, как Мирон, Глузер предпочитал общения не иметь.

Глузер решил позабавиться над простецким хозяином.

– Я раньше был очень упитанным, и это совсем нетрудно сделать. Потом мне стало недосуг этим заниматься. Так ты хочешь узнать, как быстро поправиться? Я знаю проверенный верный способ! – с такими словами Глузер обратился к Мирону.

Мирон стал внимательно слушать, а Глузер продолжал.

– Вот как укрепляют свое здоровье и прибавляют вес космонавты. Против их здоровья ты ведь не можешь возразить?

– Нет.

– В космос молоко с собой не возьмешь – сразу скисает – действие гравитации.

Мирон не знал значения гравитации, но про это слышал. Поскольку слово было связано с космосом, смысл его был для Мирона магическим и недосягаемым, как вселенная.

– Хлеб от гравитации рассыпается в муку, – продолжал Глузер, – сливочное масло превращается в подсолнечное!

– Разве так бывает?

– При гравитации все бывает, – отчеканил Глузер. – В космосе человеку есть очень трудно и мало что можно. Для этого поступают следующим образом. Перед полетом космонавтам делают очистительные сифонные клизмы, а потом питательные. И космонавт еще нае-

дается до отвала. Так что живот сразу и надолго заполняется с двух сторон, и этого хватает на несколько суток. А потом в космосе только питательные клизмы постоянно и ставят. А ты как думал? Там в космическом корабле у них целая батарея уже заготовленных и заправленных на Земле питательных клизм. Вот так нужно делать и тебе.

– Это древняя китайская лечебная система, – продолжал Глузер, – и космонавты ее с успехом переняли. Получается не такая большая нагрузка на желудок, как при еде, и пища лучше усваивается. И после полета обязательно продолжают пользоваться этой системой. Резко бросать ее тоже нельзя.

– А как часто нужно делать питательные клизмы?

– Минимум два раза в неделю, но вначале обязательно очистительную.

– А чем космонавты заправляют клизму?

– Крепким бульоном. У тебя ведь, наверно, и запоры бывают?

– Да.

– Поэтому ты такой бледный. И запомни: поступок – делает привычку, привычка – характер, а характер – судьбу. Так что завтра же беги за клизмой!

На следующий день Мирон купил сифонную клизму и под руководством Глузера начал процедуры.

От изнурительных очистительных клизм Мирон вначале очень ослабел, но после поступления бульона сразу с двух сторон почувствовал себя бодрее. Одно неудобство доставляли Мирону клизмы – у него с юношеских лет был геморрой.

А дело было так. Брат Мирона был на несколько лет старше его. Когда Мирону было четырнадцать, в их доме резали свинью и делали домашнюю колбасу. При заколе свиньи Мирон присутствовал из интереса, а при изготовлении колбас – нет. В их селе был специальный резальщик свиней, которого позвали. Правда, потом сельчане переключились на разведение индюков и овец, и свинорез остался почти без работы. Долго сложа руки он сидеть не мог и по привычке, правда, на пьяную голову, попытался зарезать нескольких человек, за что и угодил за решетку. Хотя резать людей проще, чем свиней. Для этого не нужно специальной сноровки.

У Мирона была привычка ходить по нужде в их запущенный сад, который находился к дому ближе, чем уборная. Старший брат подкараулил, когда Мирон пошел по большой нужде, тихо подкрался сзади и подбросил незаметно под сидящего Мирона окровавленную кишку, предназначающуюся для колбасы. Сделав свои дела, Мирон обернулся посмотреть и упал в обморок. Придя в себя, он с криком бросился к родителям и вначале сильно перепугал их, пока шутка брата не раскрылась. И тут же у Мирона началось сильнейшее расстройство. Потом оно сменилось недельным запором. С этого времени от перенесенного стресса и мнительности у Мирона образовался геморрой.

Позже Мирон прочел в справочнике для фельдшеров издания 1955 года, что геморрою подвержены бухгалтеры – от сидячего образа жизни, зубные врачи – от долгого напряженного стояния в одной позе, и почтальоны – от длительной и частой ходьбы.

Противоречий между приведенными случаями Мирон не уловил, но еще более убедился в неизлечимости своего недуга, так как все это вместе взятое к нему подходило.

У многих людей существует привычка лечиться или укреплять свое физическое и духовное здоровье различными методами, как, например, систематически пить собственную мочу или молчать один день в неделю, и такое постоянное применение какой-либо системы благотворно влияет на психику человека. Мирон не был исключением и через какое-то время решил, что стал если не более тяжелым, то более упитанным. Питательные клизмы стали его неразлучным спутником жизни, впрочем, до одного особого случая.

А Глузер не знал тогда еще, что ему предстоит расплата за добрый совет.

Люди иногда, чтобы не чувствовать себя обязанными, должниками, ищут повода для ссоры, обижаются намеренно или подсознательно, портят отношения.

Оба квартиранта улетали одним рейсом в Москву. У профессора там были какие-то дела, а потом он ехал уже к себе в Ленинград.

Накануне, перед отъездом, Мирон устроил как бы прощальный ужин и угостил квартирантов крымским портвейном. Скуповатый Мирон так объяснил отъезжающим свое запоздалое гостеприимство: «Если я не устрою вам проводы, то следующих порядочных квартирантов мне не видать. Такая у нас здесь примета». Хотя, кроме галушек, яиц, хлеба и портвейна, Мирон на стол ничего более не выставил.

Глузер мог выпивать очень крепко, так что Мирону пришлось идти еще раз за портвейном, а профессор был непривычен к вину и скоро уснул. Когда уснул и Глузер, Мирон вытащил у них почти все деньги, оставил только, чтобы добраться до аэропорта.

Он уразумел, что у них должны быть деньги, по крайней мере, у профессора, так как рейс был в Москву, а еще и до Ленинграда нужно покупать билет. «Пусть в Москве у кого-нибудь одолжит», – побеспокоился о нем Мирон. Но деньги оказались и у Глузера, и не так мало.

Расчет Мирона был прост: «Если они пойдут в милицию писать заявление, то опоздают на свой утренний рейс. Взять новые билеты и улететь не получится – нет денег и билеты достать невозможно – разгар сезона. Единственное, что могут – это я опять буду выпорот. Глузер – сутулый, худой, но справится со мной, запал в нем есть, и профессор, если озвереет – тоже. Вдвоем тем более осилят, но денег не найдут».

У Мирона в это время были и другие отдыхающие, а в клетушке жил нелюдимый, угрюмый, дюжий пермяк лет за пятьдесят. Он отдыхал с шестилетним внуком. Известно было, что он родом из Перми, а где сейчас живет и работает, неизвестно. Что-то в его взгляде напоминало дикого кота.

Маленький внук никогда в жизни не видел кипарисов и спросил Мирона, что это за дерево. Мирон решил над ним подшутить: «Это кипарис, а на нем живет пидорас!»

Потом мальчик вошел в клетушку, и оттуда послышались затрещины и всхлипывание.

Когда утром хватились денег, то Мирон намекнул на пермяка: «Очень уж похож на рецидивиста». И другим отдыхающим Мирон намекнул держаться впредь подальше от пермяка.

Глузер и профессор заспешили на самолет. Глузер вместо прощания пришлепил на лоб Мирону мокрый от слюны окурок от папиросы, а в лицо ему бросил слово, от которого, видимо, происходит фамилия Попидренко, хотя самой фамилии Мирона он не знал. Профессор не озверел.

До воровства Мирон, конечно, додумался не сам. Так поступали некоторые из его соседей, которые тоже сдавали комнаты.

– Почему мы не должны у них брать? Ведь они же у нас крадут? – была среди соседей такая узаконенная мораль. И опиралась она на то, что и сами отдыхающие нет-нет, а при отъезде что-нибудь, да упрут. Ценные вещи хозяева прятали надежно, но мелочь, такую как полотенце, нож, штопор, отдыхающие с собой иногда прихватывали. Далеко не каждый это делал, но распространялось на всех.

После Глузера и профессора комнатку заняли другие курортники, а Мирон продолжал жить в чулане.

За последние две недели у него появились прыщи на щиколотках в тех местах, где заканчиваются носки и на пояснице, где рубашка заправляется в брюки. Прыщи страшно чесались, постоянно напоминали о себе. Потом они распространились и на все тело. Мирон расчесывал их до крови и наконец не выдержал и пошел в поселок в фельдшерско-аптечный пункт. Ходил Мирон всегда пружинисто, глядя себе под ноги.

Его осмотрел фельдшер уже не молодых лет. Как положено, измерил давление, прослушал легкие и потом только осмотрел прыщи.

– Почему себя до крови расчесал?

– Сил больше не было терпеть.

Фельдшер произнес фразу, которую приходится раз в жизни слышать каждому.

– Поздно обратился. Нужно было прийти раньше, – и продолжал: – это у тебя сенная лихорадка или крапивница. Скорее всего – сенная, – заключил он, – но лечение для обеих одинаковое. Самое лучшее народное средство – это исхлестать себя крапивой по больным местам, тогда струпья отпадут, и новые прыщи не будут появляться.

Мирон последовал совету фельдшера. Он в перчатках нарвал небольшой пучок крапивы, которой были целые заросли в этих местах, зашел в чулан, разделся догола и стал, увертываясь от укусов крапивы, легонько хлестать себя по больным местам.

На следующий день прыщи не исчезли, а даже появились новые. Мирон упрекнул себя, что он недобросовестно выполнил предписание фельдшера, смалодушничал. Он забрался глубоко в заросли крапивы, сел в это жгучее растение голым задом, нарезал стеблей, сколько могла ухватить рука (уже без перчатки) и безжалостно выпорол себя. Сделал небольшой перерыв и еще раз выпорол.

К вечеру выпорок почувствовал облегчение. Все тело зудело от мелких заноз растения, и было совсем не до чесотки – от жара вся кожа пылала.

Утром Мирон с ужасом обнаружил, что прыщей стало еще больше. Зуда накануне он не чувствовал потому, что от крапивы горела кожа. Мирон принялся расчесывать прыщи, терпеть он уже больше не мог и стал прижигать их зеленкой.

За этим занятием горемыку Мирона застал зашедший пожилой сосед. Он-то и определил, в чем дело: «Здесь у нас в поселке время от времени появляются и живут в полу конские блохи. Как они попадают? Бог их знает. Обычным людям от них ничего, а некоторых они шибко кусают. У тебя, видимо, пот вонючий, или Бог тебя за что-то наказывает, вот они на тебя и полезли».

Мирон знал, за что Бог наказывает.

«А сами блохи малюсенькие такие, что и не увидишь, – продолжал сосед, – ты в комнатах пол покрасил эмалью – и их там не стало, а в чулане пол у тебя остался каким был. Вот они в нем и развелись. Тебе нужно протереть пол керосином или покрасить. А с язвами своими иди на пляж: в воду и на берег, через полчаса опять в воду, и так целый день. Только на солнцепеке не сиди. И дня через три никакого следа не останется».

Мирон спустился к морю. Там, как всегда в разгар сезона, была уйма народа. Люди находились почти вплотную друг к другу, и чтобы пройти к воде, нужно было перешагивать через лежащие тела. Это самая благоприятная обстановка, чтобы украсть часы или кошелек. В самой воде людей было поменьше, и там можно было, по крайней мере, заплыть подальше, но Мирон плавать не умел и в этом сезоне, как истинный приморский житель, в море плескался всего несколько раз. Он примостился между чьим-то надувным матрасом и лежаком и стал скидывать с себя одежду. Он не предполагал, что произведет такой переполох. Все сразу же отринули от Мирона, прихватив в первую очередь детей, и вокруг него образовалось пустое песчаное пространство радиусом метров в пять.

Лучшего сравнения, чем Гоголь, нельзя привести: это когда в церкви было столько народу, что и яблоку негде упасть, а вошел городничий – и сразу место нашлось.

Мирон представлял собою пугающее инфекционное зрелище: костлявая фигура с бледной, расчесанной до крови кожей и множеством пятен зеленки.

Мирон поспешно оделся и отправился километра за два купаться в скалах. Там был крутой неудобный спуск к воде, и курортников поэтому было меньше.

Среди скал загорали нагишом отдельно друг от друга мужчины и женщины – порода изысканных самовлюбленных, которые, раздеваясь по возвращении с юга перед собой, а глав-

ное, перед другими, демонстрируют равномерный загар по всему телу и не как у других: при бронзовом загаре тела остается фиолетовая задница, как бы покрытая инеем паутины.

Мирон расположился за самыми дальними выступами больших камней.

Подглядывающий старик с биноклем на одной из возвышающихся скал с интересом перекинулся рассматривать покрытое струпьями тело Мирона. Язвительно и со злорадством он произнес: «Сифилитик!» Сделал это заключение он из собственного прошлого опыта.

Через три дня струпья и зеленые пятна действительно стали исчезать, к радости Мирона и удивлению старого сифилитика. Мирон обильно полил в чулане пол керосином.

Но не все получалось у Мирона так, как он хотел. Курортники за сезон так загадили стены, что пришлось их заново белить. Еще нужно было стирать за отдыхающими постельное белье. Мирон сам его стирал, чтобы сэкономить. Стиральной машины у него не было. И работать нужно было обязательно, а то по закону он бы считался тунеядцем. И Мирон устроился за мизерный оклад подметальщиком в близлежащем санатории. За такую зарплату он работал тоже чисто символически.

Прожил Мирон в Крыму три года. Можно было так жить и дальше, но слишком это было бесперспективно. Он пробовал подженииться и хотел именно на москвичке. Если переезжать – то сразу в столицу. Но ему все попадались курортницы из таких городов, про которые он ранее и не слышал. Мирон также решил, что если женится, то только на сироте, чтобы не было у нее родни, как у прежней супруги.

Активный курортный сезон, когда с отдыхающих без зазрения совести можно было драть деньги, был всего 75 дней, с середины июня до конца августа. И с водопроводной водой в Крыму были перебои. Мирон решил переехать на Кубань. Он уже давно слышал про этот благодатный край.

Михаил Матрёнин (Санкт-Петербург)

В КРЫМ, ПО ГРИБЫ

Рассказ

Что представляют себе при слове «Крым» те, кто в нем бывал, и даже те, кто ещё не бывал? Правильно: пляж и море. Но если бы я проводил там свой отпуск только так, то и вспоминать мне было бы не о чем.

…Вот утренний троллейбус №1 (Перевальное-Симферополь), где по одежке можно отличить, кто куда едет. Пенсионер в брезентовой штормовке и с удочкой явно направляется порыбачить на водохранилище. Молодой человек в черном костюме, белоснежной рубашке и при галстуке – наверняка банковский клерк: кто же ещё так вырядится в канун жаркого дня. Старушка с охапкой завернутых в марлю гладиолусов – на рынок. Некто в очках, в потертых спортивных штанах и с треснувшим пластиковым ведром: а это я. Надеюсь набрать полведра маслят.

Спросите: да откуда же они там? В заповедных лесах – всегда водились. Там даже белые встречаются. Но туда добираться сложно, места знать надо, да и заблудиться можно. А вот на окраинах Симферополя грибы появились благодаря… советской власти.

Сталина уже не было в живых, но продолжал претворяться в жизнь его лозунг «Превратим Крым в область садов, лесов, виноградников и парков!» В голых степях высаживались многорядные лесополосы. Яркое впечатление детства: прямая, как стрела, лесополоса выходит из-за горизонта и уходит за горизонт. Деревья – сплошь дикие абрикосы, или жердели. Плоды созрели, земля под деревьями, как янтарным мозаичным ковром, усыпана слоем абрикосов. По треснувшим от удара плодам ползают многочисленные осы. А запах! Будто сидишь в бочке с абрикосовым повидлом…

В ту пору почему-то жердели никто для продажи не собирал. Как-то один мужик из нашего села сделал попытку: набрал полную коляску мотоцикла и свозил на рынок. Мало того, что ничего не продал, так над ним еще и издевались. Типа, нашел что продавать – жердели!

А сейчас эти крохотные и ароматные абрикосы, идеальные для варенья и джема, ведрами выносят к поездам.

Я прекрасно помню, что во времена моего детства столицу Крыма окружали голые, лысые, каменистые холмы. Но их постепенно преобразили: вначале нарезали бульдозерами террасы, потом высадили молодые сосенки…

Где террасы – там задерживается снег, там приживаются терновник, сумах, кизил, бересклет, шиповник… Холмы быстро зазеленели. А когда сосенки подросли – под ними после дождей стали появляться маслята – побочные, но вполне реальные плоды политики коммунистов.

О, позволь мне воспеть тебя, крымский маслёнок! Высоко растёшь ты, и рядом с тобою стоя, могу оглянуть я окрестности, дальние горы увидеть и змейку дороги, ведущей к Алуште, и ветер горячий вдохнуть, что сосновыми иглами пахнет!

О, как ловко ты прячешься, крымский маслёнок! Иной раз, устав от бесплодных скитаний, присяду в колючей траве я – и вдруг ощущаю ладонью твой купол, прохладный и влажный, как нос дружелюбной дворняжки! Коричневым глянцем шляпка твоя отливает, а низ её жёлтый и пористый – в каплях мельчайших белого млечного сока!

Как жизнелюбив ты, о крымский маслёнок! Не только двойною сосновой иглою твой купол украшен: к нему прилипают и мелкие камни, которые ты раздвигаешь. На склонах крутых, на отвесных обрывах порой ты растешь даже шляпкою книзу… А вот и семья: патриарха ее я уж трогать не буду – червив он и страшен, зато хороши его внуки – крепки и упруги, не тронуты мухой грибною! Вкусны они будут и с жареным луком, с картошкой, да и в маринаде!

Утренняя роса ещё лежит на листьях мелкой ароматной земляники, словно крупная соль, но солнце уже начинает припекать. Тихо сижу я, сочиняя оду крымскому маслёнку и выковыривая из травки очередную семейку. И вдруг слышу: зашелестели кусты, замаячил за ними кто-то жуткий, страшный, явно четвероногий…

Да нет, не страшный! Это согбенная бабуся, буквально обнюхивая траву, идет ко мне, сверкая длинным ножом.

– Доброе утро, – говорю я негромко, но бабка вздрагивает и шарахается. А она-то, вижу, удачливее меня: мое зелёное ведро ещё и на треть не заполнилось, а её синее – уже с горкой… Или раньше всех встала?

– А вы не загорелый, – говорит она, успокоившись. – Видать, издалека приехали?

– Да, – говорю, – из города Колпино.

– И где же это?

– Под Санкт-Петербургом.

Тут она ставит ведро в траву, распрямляется и всплескивает руками:

– Батюшки! Да неужто у вас там своих грибов нет?

Есть, конечно же, есть… Но впридачу к ним есть болота, комары, дожди, переполненные грибные электрички… Да и как объяснить, что волей обстоятельств живу я в Крыму, когда приезжаю туда, далеко от моря. И потому знаю сотню способов, как отдохнуть, не тоскуя о пляже.

Тем более, когда купаться еще рано. К примеру, в апреле…

От трассы Симферополь-Алушта до села Краснолесье – не больше пяти километров. Шоссе идет в гору еле заметно, так что даже мой отнюдь не горный велосипед (старенькая складная «Кама») смог одолеть подъем. За селом я нашел знакомый поворот – вначале налево, сквозь дачный поселок, затем направо и вверх, в настоящий горный лес. Здесь начались трудности: дорога хорошая, но крутая. То и дело приходилось соскакивать с велосипеда и вести его «за рога».

Где-то через час я взобрался на огромное каменистое плато, заросшее островками можжевельника, орешника, дубового кустарника и низкорослых сосенок: это Бабуган-Яйла. С обрыва плато открылась панорама крымского заповедника – словно взметнулись вверх, да так и застыли волны лесистых холмов, уходящие вдаль, как бескрайнее море… Самого моря отсюда еще не видно – его заслоняет величавый шатер Чатыр-Дага, в складках которого (дело было в апреле) кое-где еще белели снежные прожилки… Я то шел, то ехал к горе на велосипеде, а когда двигаться на нем стало из-за камней совсем уж невозможно – сложил велосипед пополам, запихнул в расщелину и замаскировал сухими дубовыми ветками с гремящей, как латунь, прошлогодней листвой. Еще час подъема – и я на вершине.

Кто не смотрел на Крым с Чатыр-Дага – тот не видел Крыма. Отсюда можно, повернувшись вокруг собственной оси, увидеть почти половину полуострова. На севере – Симферополь, на востоке – гора Демерджи, на юге – лежащая в зеленой долине Алушта и стеной поднимающееся над нею синее море, на западе – гряда лесистых крымских гор, среди которых угадывается Роман-Кош, самая высокая вершина Крыма (1545 м).

Впервые я поднялся на Чатыр-Даг (1527 м) еще школьником, а всего бывал столько раз, что даже со счета сбился: не менее семи или восьми… В последние годы, увы, это стало не под силу. Пришлось освоить новый способ альпинизма: для умных, которые в гору не пойдут,

а поедут. Например, на автобусе до Мраморной пещеры. Оттуда тоже открывается замечательный вид, да и сама пещера достойна отдельного очерка.

Помимо Чатыр-Дага, горячо рекомендую другие горы, прежде всего Демерджи и Ай-Петри. Из Алушты на Демерджи ходит экскурсионный автобус, из Ялты на Ай-Петри – маршрутное такси, а из Алупки можно подняться на вершину этой горы в вагончике канатной дороги. Билет не такой уж дорогой. А на вершине, сидя на краю бездны за столиком кафе и поглядывая вниз с высоты орлиного полета, можно с удовольствием отведать шашлыка, запивая его кисловатым и холодным сухим вином…

Рискните поехать в Крым совсем уж диким образом, то есть не имея ни путевки, ни даже адреса знакомых! Только не советую Ялту – во-первых, город самый популярный у отдыхающих и по этой причине перенаселенный и дорогой, во-вторых, жаркий, и, поскольку стоит в котловине, плохо проветривается: с гор хорошо виден висящий над Ялтой сизый смог от обилия транспорта. Советую городки поменьше: Судак, Феодосию, Алушту, Евпаторию, Саки, а еще лучше – небольшие прибрежные поселки.

Не волнуйтесь: без крыши над головой не останетесь. Миновали те времена, когда хозяева селили «дикарей» в сараюшках и курятниках: теперь сами будут там спать, но туристу отдадут лучшее! Уверяю вас: как только выйдете из троллейбуса в Алуште – к вам подойдут с вопросом: «Комнату снять не желаете?» Объявления типа «Сдаётся жилье» – чуть ли не на всех воротах, даже и на центральной улице Горького. Бывают путевки и в многочисленных здравницах – даже в разгар сезона. Появилось немало частных мини-отелей… Словом, жилье можно найти на любой вкус. Разумеется, цена варьируется в очень широких пределах, в зависимости от комфортности, близости пляжа, вашего умения выбирать и торговаться. В сентябре цены на жилье и фрукты снижаются, да и на пляжах просторнее.

Где советую побывать? В севастопольском аквариуме. Полюбуетесь на огромных морских черепах, скатов, тропических рыб. Да и просто прогуляетесь по Севастополю, городу русской славы, пройдетесь по Историческому бульвару, посмотрите на извилистые бухты с колеса обозрения… В Ялте – замечательный зоопарк, говорят – единственный частный зоопарк в странах СНГ (такого хорошего уровня – уж это наверняка). Различных зверей очень много, содержатся они в прекрасных условиях, в основном – на вольном воздухе, и всех при желании можно покормить – подходящая для каждого зверя еда, вплоть до сырого мяса, продается тут же. Павлины, фазаны, пеликаны и другие красивые птицы гуляют прямо по дорожкам…

А ведь есть еще и парк львов «Тайган» под Белогорском! С гостиницей, заночевав в которой, вы сможете утром полюбоваться на кормежку хищников, и даже поучаствовать в ней!

Впрочем, в одной заметке обо всех туристских соблазнах Крыма не расскажешь. Можно ведь и в пещеры спускаться, и по Никитскому ботаническому саду гулять, и с аквалангом нырять, и собирать виноград… Есть еще и Большой каньон, и воспетый Волошиным Кара-Даг, древние пещерные православные храмы, монастыри, античные и средневековые руины, есть винные подземелья Нового Света, есть музей Грина и картинная галерея Айвазовского!

А то ведь некоторые зациклились: пляж да пляж, вспомнить не о чем…

Татьяна Михайловская (Москва)

ШТИЛЬ

Рассказ

– Я пошел спать, иначе до вечера не доживу. А ты свободен, – он посмотрел на часы, – до 18.00. Можешь погулять по городу, ведь это твоя родина, да?

– Родина. Я здесь родился и окончил школу, – Максим отвечал по пунктам автобиографии, хотя точно знал, что все они известны Объекту. Мысленно Максим никогда не называл своего подопечного ни по имени-отчеству, ни по фамилии, ни просто, как другие, хозяин или босс. Для него он был объектом, подлежащим охране, а то, что этот объект являлся одушевленным лицом, значение имело только с точки зрения более сложных способов его охраны. Сам охраняемый объект об этом, похоже, догадывался, потому что выделял его из всей охраны и многочисленной обслуги, стараясь показать свои именно человеческие качества, мол, смотри, я живой человек, а не секретная кукла.

– Вот и хорошо. Пройдись. Да, в городе есть заведение, называется «Робинзон», специально туда не ходи, а так, мимоходом, разузнай, что это такое.

Гостиница была новая, необжитая и пустая, возле лифта и в холлах ни цветов, ни мебели. После Лондона, откуда они только что прилетели, это особенно бросалось в глаза. Только этаж, который откупил Объект, был полностью обставлен, украшен мрамором и бронзой, а стены увешаны картинами. Максим спустился по лестнице пешком, не встретив ни одного человека.

Возле входной двери дремал швейцар. Он было встрепенулся, но, увидев, что это не босс, а всего лишь кто-то из охраны, расслабился.

Максим распорядился поставить одного из команды на ворота, как он выразился, сунул мобильник в нагрудный карман и зашагал к набережной.

Улица была ему знакома – дома все старые, с колоннами, еще советской курортной постройки, а некоторые дореволюционной. Здание бывшего горисполкома, библиотека, краеведческий музей, сквер – все это не изменилось, было как раньше. Если пойти направо, то неподалеку будет его школа и рядом его бывший дом.

Но чем ближе к набережной он подходил, тем меньше город напоминал ему город его детства. Казалось, все пространство между деревьями и домами было затянуто тентами с пивной рекламой, под которыми стояли пустые столики, а вдоль набережной вторым рядом тянулись торговые палатки с сувенирами. Неподалеку от пирса кусок набережной и вовсе загородило какое-то нелепое сооружение с куполом и искусственными пальмами у входа. Рекламный щиток изображал что-то невразумительное, но довольно похабного вида, надпись гласила «Женская борьба», а сверху красовалось название заведения «Робинзон».

«Вот он и „Робинзон“, – подумал Максим, приближаясь к шалману. – Ишь, захватили…»

Два охранника молча оглядели его мощную фигуру, угадав, что он при оружии, и признали за своего.

– На работе? – спросил один.

– Гуляю, – улыбнулся Максим. – А что у вас дают?

– А, – поморщился второй. – Бабы дерутся.

– Девочки-то ничего?

– Промокашки. Чабан малолеток затаривает.

Не только их речь, но и особая татуировка на пальцах яснее ясного говорили Максиму о том, откуда пришла охрана «Робинзона». Таких он повидал достаточно, уголовщина была

за спиной у многих, с кем ему довелось работать. В свое время он у них кое-чему научился, но все же не считал их профессионалами.

Максим еще раз оглядел постройку, афишу, пальмы. Все это не внушало доверия, было каким-то несолидным, временным, как сувенирные палатки и пивные тенты – нахмурится небо, заштормит море, налетит ветер и сдует всё до следующего лета. А что будет следующим летом, никто не знает – может, деньги поменяются, может, границу перенесут, а может, миру конец. Но что бы там ни было, одно можно было сказать с уверенностью: просто так, ни с того ни с сего его Объект каким-то сомнительным притоном интересоваться не станет. Максим решил, что надо все-таки предупредить служивых, пусть поищут другую работу.

– Чтобы не заболеть, лучше вовремя сменить боярина, – сказал он не то чтобы равнодушным тоном, но будто нейтрально.

Они его поняли, но, судя по выражению их лиц, не поверили в это.

– Ладно, мое дело прокукарекать, а там хоть не рассветай, – с этими словами он развернулся и не торопясь зашагал прочь.

Курортного люду на набережной в это время дня было немного – как и всегда раньше, народ лежал на пляжах. Неподалеку от фонтана со скульптурой мальчика, поймавшего здоровую рыбу вроде осетра, у которого отломили голову, закутанная вся в белое покрывало татарка продавала свою выпечку. Рядом стоял седой мужчина, наверное, муж, и помогал ей, принимая деньги и отсчитывая сдачу. Максим выбрал себе яблочный пирог с корицей, густо посыпанный сахарной пудрой. На мгновенье женщина подняла глаза, и Максим вспомнил мать: она вот так же часто что-то делала по хозяйству, а взгляд у нее при этом был грустный-грустный.

Набережную завершала ротонда. Как ни странно, в вихре перемен она уцелела, и шесть ее классических колонн ярко белели на фоне синего неба. Максим поднял глаза вверх: ожила детская привычка – когда-то он учился читать, разбирая по складам надпись на фризе «Граждане СССР имеют право на отдых». Теперь надписи не было, она, как и сами колонны, и цветы на капителях, была густо замазана побелкой. Что касается граждан СССР, то вот он, один из них, бывший, сегодня он имеет право отдых до 18.00.

Максим облокотился на парапет и вдохнул такой знакомый, такой родной морской воздух. Море было тихим, в солнечных бликах, волны, словно шутя, мерно шлепали своими лапами о галечный берег. Вдали легонько покачивались две двухмачтовых шхуны. Морская тишина будто поглощала все окружающие земные шумы: истошные детские вопли, несущиеся с городского пляжа, чужую музыку, стрекотание скутеров и рокот моторок.

Максим уже хотел двинуться дальше, но тут заметил в стороне от всех одинокую женскую фигуру, спокойно, без брызг, входившую в воду. Он вошла уже по пояс, был виден черный купальник и белая кепка «капитанка», закрывавшая волосы. Плечи у нее были широкие, и длинные крепкие руки она держала наготове. Когда-то мать так же входила в воду, когда учила его плавать.

«Ну, эта сейчас рванет», – подумал Максим и не ошибся. Только он не предполагал, что она сразу пойдет на боку, загребая другой рукой, как веслом. Белая кепка стремительно удалялась от берега. Максим прикинул ее скорость. Если с такой скоростью плыть, то так и до Турции недалеко. Взмах руки, и еще раз взмах, и еще… Белая точка поравнялась уже с одной из шхун и исчезла за ней. Море будто опустело.

Рынок остался на прежнем месте, только его сделали крытым, вокруг близлежащие горбатые улочки и площадь были облеплены торговцами. За рынком, возле крошечного сквера с тремя разросшимися кедрами, привезенными когда-то главным архитектором города из Ботанического сада, возникла новая большая церковь из серого камня. Максим зашел внутрь, купил две толстых свечи, обвел глазами храм, нашел икону Божьей Матери и зажег их перед ней. Потом так же, не крестясь, вышел.

С тех пор как два года назад матери не стало, его потянуло заходить в церковь, но не молиться там, этого он не умел, а просто посмотреть на Божью Матерь.

Когда Максим вернулся в гостиницу, Объект, выспавшийся, порозовевший, уже как боец, готовый к встрече с противником, напевал что-то веселенькое, выйдя из ванной.

– Ну, как погулял? – спросил он Максима, глядя на него в зеркало.

– Нормально.

– Что там «Робинзон»?

То, что Объект первым делом спросил про «Робинзона», укрепило Максима в мысли, что это заведение как-то касается его вечерних встреч и переговоров.

– Женские бои без правил. Вход без трусов. Мак делают сами.

– Ну, разведчик, – одобрительно хмыкнул Объект, расправляя воротник рубашки поло. – Я так и думал, что дело нечисто. Будем их брать за горло, – он засмеялся. – А еще чего в городе? Чего хорошего видел?

– Все нормально, – ответил Максим и задумчиво прибавил: – Женщина одна здорово плыла, до самого горизонта.

Объект с удивлением посмотрел на него, что-то хотел сказать, но промолчал.

День плавно перетек в вечер.

Владимир Поляков (Санкт-Петербург)

ЛЕВ, ДЕВА И МЕДВЕДЬ

Рассказ

К двадцати девяти годам грех мне было жаловаться и на здоровье и на карьеру. Единственной серьезной проблемой я считал отсутствие опыта, то есть не обычного, житейского, а такого рода опыта, коим обладает в мои лета всякий нормальный мужчина. Впрочем, кто знает, может быть «ненормальных» куда больше, чем принято думать. Витиевато выражаюсь, да? Это неслучайно – стесняюсь. И полагаю, что стеснение извинительно для, ну, да чего уж теперь увиливать – для девственника.

Комплексовать я стал, как ни странно, совсем недавно. Успокаивал себя: вот-де, защищусь, остепенюсь, тогда и возьмусь за эту самую проблему. Теоретическим подспорьем служила осведомлённость о подобной же затянувшейся невинности у некоторых исторических личностей: императоров, поэтов, философов.

К сожалению, далеко не всегда это помогало в борьбе с унынием. И ведь знал, вернее, догадывался, что вполне нормален и дееспособен. Имелись даже женщины, меня домогавшиеся, но как-то так всякий раз выходило, что уцелевал. Ещё и гордился сохранностью и чистотой. Считал себя как бы богом, бывшим, как известно, вечным юношей.

Важно отметить, что история сия случилась ещё до информационно-сексуального взрыва в нашей стране.

Родители и на кафедре ни о чём не догадывались, столь искусно я мимикрировал, уверенно жонглируя ненормативно-загадочной терминологией. В стыдную мою тайну были посвящены только два друга, которые всячески пытались ускорить процесс.

Отпуск мой начинался в середине августа, а юбилейный, тридцатилетний день рождения наступал через месяц. Как нетрудно вычислить, я был Девой в квадрате.

Человека, никогда не видевшего Чёрного моря, нетрудно убедить, что курортный роман – это как раз то, что ему совершенно необходимо.

– Если не там, то где же? – рассуждал Аркаша.

– Дело не в этом, – поправлял Боря. – Важно, чтобы всё произошло легко и весело, вот как у меня.

– Или, – возражал Аркаша, – как у меня.

Я ловил каждое их слово.

– Но там, – продолжал Боря, – легко наколоться и подцепить.

– А где трудно? – возражал Аркаша.

Что, что подцепить? Или кого? Я еле сдерживал любопытство.

– В прежние времена, – продолжал Боря, – заведено было мудро: юноше из приличной семьи находили умелую наперсницу.

– Опытную, проверенную мадам, – подхватывал Аркаша. – И заметь, с рекомендациями. Люди знали, за что платят.

– Да уж, – причмокивал Боря. – Знали.

– Да за что? За что?! – не выдерживал единоличный владелец своего тела.

– Скоро узнаешь.

– Гады вы, а не друзья.

– Теперь, длинный, слушай про акклиматизацию, – продолжал Аркаша. – Внутрь – только сухое.

– Да-да, – поддерживал Боря. – Портвейн в жару коварен. Козлёночком станешь.

– А нужен козёл, – уточнял Аркаша. – И обязательно купи приличные плавки. Плавки – лицо курортника.

Поскольку оба друга стали мужчинами на Южном берегу Крыма, то и я выбрал сухие субтропики. Человек обстоятельный, хотя и едущий дикарём, я решил изучить карту ЮБК. Аркаша рекомендовал Алупку, Боря – Алушту. Выбрал среднее географическое – Ялту.

Кое-что про Крым ведомо всякому интеллигентному человеку: лечение сердечных ран Александром Сергеевичем, письма Антона Павловича, Волошинский Коктебель, опять же слёзы Бахчисарая.

В качестве подготовки я освежил в памяти стендалевскую классификацию любовей, перечёл Александра Грина и откопал в букинистическом монографию: «Крым в средние века».

Приключения начались уже в поезде. Попутчица бальзаковского возраста сразу положила на меня свой хищнообведённый глаз. Отнюдь не уродина, скорее, напротив, но вторые подбородки и жадные взгляды меня и прежде только отпугивали. Некоторый опыт по освобождению из подобных капканов уже имелся: можно задудеть о своей науке, можно просто улизнуть… но куда исчезнешь с верхней полки купейного вагона? Ещё раз пожалел, что не взял плацкарту – заодно и костыли бы свои вытянул.

Дамочка, также следовавшая в Ялту, разумеется, не в первый раз, назойливо чирикала о курортных прелестях.

Я пытался уползать в «Средние века», но отвлекал и сосед снизу. Тот всю дорогу изучал какой-то журнал, характер которого я никак не мог установить, поскольку даже соседние страницы посвящались совершенно различным вещам. Удалось выхватить кусочек текста, от которого оторопел. До сих пор корю себя за то, что не перечёл хотя бы ещё раз – всего-то там было две строчки. Попросить журнал казалось неловко – сосед не оставлял его на виду, накрывал всякий раз подушкой.

Кусочек текста, а точнее, фраза, всего лишь одна фраза, крепко застряла в мозгу, но я сразу стал сомневаться в точном порядке слов внутри неё. А порядок менял смысл. Выходило два варианта.

Первый: «Ни одно учение не принесло столько вреда, сколько учение о пользе воздержания».

И второй: «Ни одно учение не принесло столько пользы, сколько учение о вреде воздержания».

На первый взгляд, что в лоб, что по лбу. Однако чем дольше я анализировал, тем глубже и важнее казалось различие. Само собой разумеется, ни о том, ни о другом учении я слыхом не слыхивал.

Состав припыхтел в Симферополь по расписанию: в полпятого утра. Таская дамочкины баулы, я разыгрывал любезного кавалера. Она всё рассчитала правильно, вцепившись в мягкотелого учёного вьюношу. Но у последнего родился коварный план.

На предрассветные троллейбусные рейсы билетов нам не досталось. Сели только в девятом часу. Пропустив дамочку к окну, я задвинул баулы поплотнее, а свой чемодан оставил в проходе. До перевала все кемарили. Но вот начался спуск, и далеко внизу замелькали белые пятнышки домов. Вот-вот должен был явиться Понт. Так предупреждали друзья. Я глядел прилежно, но так и не уловил, когда небеса стали перетекать в море.

Пассажиры троллейбуса закрутили головами. Тётка ворковала, перечисляя местную экзотику. Я таращился. После Алушты дорога понеслась вдоль берега, который угадывался внизу. Впереди вырастала внушительная гора, напоминавшая…

– Медведь, – томно выдохнула с моего плеча дамочка. – По-туземски «Аю-Даг».

Действительно, все медвежьи члены имелись в наличии, включая хвост, по которому уже мчалась наша машина. Морда у зверя была погружена в море – мишку мучила жажда.

– Артек, – объявил водитель.

Вышел один человек, по возрасту старший пионервожатый. Кто-то сзади заметил:

– Ещё пяток остановок, и – Никита, а это, считай, Ялта.

Я изготовился. Троллейбус сбавлял ход. Водитель снова был лаконичен:

– Гурзуф.

Я схватил чемодан, решительно встал и, зажмурившись, выпалил вниз и назад:

– Извините, передумал, выйду здесь, море близко, до свидания, – и рванул к выходу. Через минуту меня и дамочку разделяли сотни метров.

У остановки оказалось ещё одно название: «Приятное свидание». Улыбаясь солнцу, я ждал следующего троллейбуса, который должен был подойти минут через двадцать. Я любовался морем, горами, небом. Чудесно! Плюс приятное расставание.

Но что, если она по каким-то причинам задержится на автовокзале? Пропустить ещё пару рейсов? А, собственно, почему непременно Ялта? Почему не спуститься в этот чудный заливчик и не начать знакомство, как Александр Сергеевич, с Юрзуфа?

Как многие технократы, я в литературных пристрастиях сноб: признаю лишь классиков и не снисхожу до второго ряда, а тем паче до современников, – нет времени искать среди них достойных внимания. Классика оптимальна, там знаешь, что никакой чепухи не встретишь, только высший сорт.

Дорога спускалась, петляла, наступая то и дело себе на пятки. Близость моря оказалась обманчивой. Прелесть лазурной бухты ошеломила северянина. В сущности, впервые до меня доходило, и что такое лазурь, и что такое самоё бухта, и как тесна суша перед безбрежием вод.

Наконец дорога распрямилась и растёклась небольшой кляксой, автобусным пятачком. Здесь аритмично пульсировало сердце курортного посёлка. Секунду назад лишь пара собак лениво обнюхивало площадку, но стоило ступить на неё чужеземцу, как его тут же облепил рой невесть откуда взявшихся аборигенок. Бабки лопотали на мягком южнорусском, и я почти всё разбирал. Лица их были почти все бледны, как моё, и ни в одном не проступало ничего ни греческого, ни скифского.

Ища защиты, я сделал шаг к оцарапанным автобусами ступеням, где безучастно застыл единственный старичок. То был натуральный коричневый скифо-тавр. Глаза его, казалось, отражали небо тысячу лет, в руке небольшая удочка.

Только я успел поставить чемодан, как престарелый житель ожил, вцепился в него, оторвал и шустро поволок прочь. Я бросился за ним. Вослед нам грянул стройный греческий хор:

– Хад!

– Хух, Хулебякин!

– Хрен нестриженый!

На вираже Кулебякин сбросил скорость и обождал меня.

– Не пожалеешь, сынок. Веранда у мя отделённая, солнечная. Душ есть. Во дворе.

Бесконечная улочка-коридор, змеилась круто вверх. У дома номер девятнадцать сидела удивительно красивая старуха.

Дедок между тем продолжал:

– А бабки тя подселили б. Обязательно подселили б. Откудова будешь?

– Из Питера.

– А я сразу понял. У мя завсегда москвичи, да ленинградцы. Других не пускаю. Я сам московский, сюда в пятьдесят первом перебрался. Зови мя дядя Коля. А тя как?

Я открыл было рот, но это было лишним.

– У мя, сынок, весело. Вечером никуда и ходить не надо, на танцульки.

Старик остановил и внимательно оглядел меня, причём как-то странно, интересуясь лишь формой головы. Потом выяснилось, что то был взгляд профессионала, знающего толк в черепах.

Мы миновали калитку и поднимались уступами, сплошь укрытыми виноградниками.

– Рви, рви, мускатный. На рынке такой не купишь, себе оставляю.

Затылком, что ли, углядел он моё воровское движение. Я сорвал целую кисть и убедился, что и винограда истинного так же до сих пор не вкушал.

В дядиколиных апартаментах, «будкуарах», могла разместиться дюжина дикарей. Московская волна в том сезоне оказалась повыше питерской. Земляков было трое: пара юных молодожёнов и одинокая красавица моих лет. А москвичей – аж восемь: три женских пары и одна мужская.

Соперничество столиц начиналось уже с пятачка, где бабки сепарировали прибывавших отпускников:

– Ленинградцы-т получче будут. Москали, те нахальные, спесивые. А энти тихие, культурные.

– Зато ску-ушные. А те весёлые и копейку не жмут.

Одни поминали блокаду, другие Кремль, кому-то милее был Пётр Великий, кому-то Иван Грозный. Впрочем, какие там черноморские – всё послевоенные переселенцы с Дона.

Спать на веранде оказалось невозможно из-за духоты и насекомых, и я перетащил матрац на крышу одного из сарайчиков. Потолком теперь служил Млечный Путь. Протянув руку, можно было рвать виноград, продолговатый и прозрачный, как… Не знаю, с чем и сравнить. Современный поэт выразился бы заковыристо, умственно, а классик сказал просто: «…как персты девы молодой».

Прибойный рокот сюда не доставал, и ночную тишину нарушали лишь цикады, сойки, да петушиные концерты, шедшие с редкими антрактами. Но мне и трёх-четырёх часов сна хватало.

Дядя Коля одобрил мой переезд:

– Я молодой тоже любил почудить, – в голосе его я не услышал огорчения хозяина, не догадавшегося сдать крышу.

И сад, и огород были запущены, не стрижены и лохматы, – дед всю жизнь трудился парикмахером. Последние годы – в санатории министерства обороны. Этот санаторий захватил единственную ровную площадку в Гурзуфе и разбил на ней парк с платанами и пахучими ливанскими кедрами. Главная достопримечательность парка – фонтан «Царица ночи». На высоком постаменте с факелом в руке взлетает полуобнажённая прекрасная фея.

О, как мне хотелось чудить! Вожделение распирало моё бедное бледное тело. Как и предсказывали друзья, я с утра до вечера метался нахально-глупым кобельком. Все лифчики и попки выглядели таинственно и все казались желанными. Как там: ни одно учение не принесло столько вреда, сколько учение о пользе воздержания? Или столько пользы о вреде?

Я краснел и знакомился со всеми подряд: симпатичными и не слишком, худыми и кубышками, нарядными и скромными. Цеплялся всюду. Кроме пляжа. Стеснялся худой и сутулой конституции. Зато в парке и возле бочек с молодым вином на набережной я был неудержим. Помня завет, остерегался портвейна.

Через неделю опомнился и сообразил, что необходимо притормозить и сосредоточиться. В смысле, ограничиться. Вот хотя бы соседками.

К сожалению, красивая интеллигентная землячка держалась обособленно и каждый вечер, приветливо улыбаясь, куда-то исчезала. Исчезала именно в тот час, когда дядя Коля выносил и ставил у овального, разумеется, из санатория, стола многолитровую бутыль. Закуской служило всё созревшее к этому вечеру: персики, инжир, слива… Потчевал хозяин и ухой из рапанов и ершей. Мы, мимолётные хозяева, тащили на пир холодные чебуреки и пирожные.

Застолья проходили весело, с песнями и плясками под магнитофон. Я всегда предпочитал книжку легкомысленным развлечениям и, понятно, танцором был никаким. Московские парни, подняв пару стаканчиков, быстро покидали компанию, молодожёны выбирали исклю-

чительно друг друга – и получалось, что я оставался единственным кавалером для шести дам. Оказалось, что если меня правильно вести, то могу повторять кое-какие фигуры.

Вперемешку с роком шли танго и довоенные фокстроты, которые наш бодрый патриарх выдавал на аккордеоне: «Пускай проходят вэка, но власть любви вэлика. Она сэрдца нам пьянит, она как морэ бурлит». Мы улыбались, переглядывались, пытаясь представить его в молодости. Дед охотно делился богатым и, между прочим, боевым прошлым. Как стриг и брил рядовой и младший комсостав, а к Победе наградили даже одним генералом. После войны работал исключительно дамским мастером.

Рассказы его, отшлифованные с годами как галька, находили у нас восторженный отзвук. Благоухающими морскими вечерами даже биография парикмахера предстаёт невероятной, и мы, открыв рты, внимали рассказам той поры, когда пацан с Солянки Колька Кулебякин мог гордиться только чубом и значком на цепочке, а гурзуфский санаторий минобороны назывался здравницей красных командиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.